

СЬЮЗЕН УОЛТЕР

Все началось с обещания незнакомца:
«Мы позаботимся о вас...»

ПОЧТИ
МЕРТВЫ

INSPIRIA

Сьюзен Уолтер

Почти мертвы

Серия «Ток. Мировые хиты»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69422371
Почти мертвы / Сьюзен Уолтер ; [перевод с английского Н. В. Рокачевской] : Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-189187-9

Аннотация

Рассказанный с разных точек зрения, этот психологический триллер показывает людей, связанных одним преступлением. Когда тщательно выстроенные жизни начинают рушиться, как далеко готов зайти каждый из них, чтобы похоронить правду и защитить своих близких?

Все началось с обещания незнакомца: мы позаботимся о вас...

Муж Холли Кендрик мертв. Она видела все своими глазами. В один миг авария перевернула с ног на голову размеренную жизнь Холли и ее семнадцатилетней дочери Саванны. Неожиданно адвокат виновной стороны делает им предложение, от которого они не в состоянии отказаться: деньги и роскошный дом в обмен на молчание.

Внезапное появление матери и дочери в уважаемом районе небольшого городка Калабасас вызывает любопытство среди соседей. Слухи становятся все более назойливыми, и это

начинает пугать Холии и Саванну. У них есть секрет, но они не единственные в округе, кому есть что скрывать.

«Дебютный роман Сюзен Уолтер настолько полон сюрпризов, что должен сопровождаться предупреждением. От дерзкой оригинальной завязки до шокирующего финала вы никогда не разгадаете сюжетный поворот, пока не перевернете страницу. Не могу дождаться ее следующей книги!» – Уильям Брюс Кэмерон, автор международного бестселлера «Жизнь и цель собаки»

«Сюзен Уолтер создала искусную головоломку из истории, которую скармливает вам кусочек за кусочком. Удивительно уникальная идея, проработанные и связанные между собой герои со своими недостатками, и умопомрачительный финал, – я не могла оторваться от этой книги. Пять звезд!» – Соьер Беннет, автор бестселлеров New York Times

«Дебютный роман Сюзен Уолтер – это мастерски сконструированный триллер с высоким напряжением и хитроумными поворотами, но в то же время с живыми сердцем и душой. Невероятно захватывающий и острый взгляд на то, что происходит, когда хорошие люди совершают плохие поступки, и на невообразимые последствия одного трагического события. Это потрясающее чтение». – Гэри Голдштейн, кинокритик Los Angeles Times

«Триллер, действие которого разворачивается в Лос-Анджелесе? Да, пожалуйста! "Почти мертвы" – это веселая и быстрая поездка по пригородам Голливуда. Как говорится, сокрытие информации иногда хуже, чем само преступление. Не могла оторваться!» – Доктор Джуди Мелинек, судмедэксперт и автор книги «Ты труп, приятель»

«"Почти мертвы" заставляла меня задерживать дыхание во время каждого захватывающего поворота, вплоть до совершенно взрывного финала. Смело затронуты темы любви, богатства, личной ответственности, жизни и смерти, поэтому читать книгу было чистым удовольствием, и это был блестящий дебют». – Алтея Блек, американская писательница

Содержание

Часть 1	9
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	55
Глава 7	68
Глава 8	80
Глава 9	85
Часть 2	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Сьюзен Уолтер

Почти мертвы

Вранье дело милое, потому что к правде ведет.
Федор Достоевский

Susan Walter

Good as Dead

Copyright © Susan Walter, 2021

This edition published by arrangement with Laura Dail
Literary Agency, Inc and Synopsis Literary Agency

В оформлении переплета и внутреннем оформлении использована фотография © Forrest9 / Shutterstock.com. Используется по лицензии от Shutterstock.com.

© Рокачевская Н.В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть 1

Холли

Три месяца назад

Очнувшись после вязкого сна без сновидений, я несколько секунд не могла сообразить, где нахожусь. Я не испугалась. По крайней мере, поначалу. Такое уже случилось – на раздвижном диване у бабушки с дедушкой, в незнакомом мотеле во время поездки к озеру Биг-Беар. Где я? Ах да, теперь вспомнила. Первые сумбурные секунды, когда я просыпаюсь не в своей постели, не пугают. Обычно.

Но на этот раз все было по-другому. Открыв глаза, я увидела белизну – белые стены, простыни, жесткая синтетическая подушка под коленом. Что у меня с коленом? Я закрыла глаза. Думай, Холли... думай. Я услышала приглушенный шепот в темноте и звяканье колец от занавесок по штанге. В комнате тошнотворно воняло. Каким-то антисептиком с примесью смерти и грязных подгузников. Я узнала этот запах. Я его ненавидела. В последний раз он означал срочное кесарево сечение, к счастью, я выжила.

И внезапно я все поняла. Еще секунду назад я бродила впотьмах, но теперь поняла. Понимание было как удар под

дых. Я вскрикнула. Невыносимая боль. Как будто тысячи рук рвали мою кожу, пока не отодрали от кости. Я осознавала, что вою, но не могла остановиться. Потому что вспомнила. Вспомнила все.

Глава 1

Сначала я заметила цветы. Масса цветов всех расцветок изящно огибала фасад дома. Я задумалась, не придется ли сажать их каждый год заново. И отметила для себя, что нужно это выяснить.

Дом оказался больше, чем я ожидала. Хорошо, что не пришлось выбирать его самой, я бы постеснялась выбрать этот. Высокая входная дверь была ярко-красной. Над ней на улицу смотрели два одинаковых слуховых окошка, похожие на большие глаза с изогнутыми бровями. Подъездная дорожка изгибалась у крыльца, чтобы приехать и уезжать, не разворачиваясь. Вместо обычного асфальта она была вымощена серым клинкером, его узор напоминал открывающиеся молнии. Я не могла решить, нравится мне это или вызывает головокружение.

Подошел Эван и открыл мне дверцу машины. Я его не поблагодарила. Я никогда не благодарила Эвана. Авария произошла не по его вине, но это не значило, что я обязана быть с ним любезной.

Саванна, моя дочь-подросток и единственная причина, по которой я не приняла за один присест весь викодин, полученный в больнице, смотреть дом не поехала. Сказала, что устала, но, конечно, на самом деле просто не захотела. Я тоже не хотела видеть Эвана, но мы все на это согласились, так что

нет смысла оттягивать. Помимо Эвана и его жуткого босса только Саванна знала, почему я здесь, смотрю на этот прекрасный дом. Дом, который я не могла бы себе позволить, вот-вот станет моим, стоит мне лишь кивнуть.

– Как тебе? – спросил Эван, хотя я еще даже не успела выйти из машины.

Наверное, он примерно одного со мной возраста. Или чуть старше. Максимум сорок. Интересно, женат ли он? Кольца он не носил.

– Мне нравятся цветы, – ответила я.

– Великолепно, правда? Естественно, у вас будет садовник.

Естественно. Эван часто произносил это слово. Естественно, мы обо всем позаботимся. Если у тебя есть вопросы, естественно, звони в любое время. По выходным он иногда надевал выцветшую бейсболку с эмблемой Йеля. Очевидно, он окончил этот университет. Интересно, на чем он специализировался? На целовании задниц? Это он умел отлично.

Я пошла к двери в дом. Колено не гнулось, но я старалась не хромать, шагая по неровной каменной дорожке. Я прошла двухмесячный курс физиотерапии, но Эван сказал, что можно добавить сеансы, если я захочу. Естественно.

Он проводил меня до крыльца. Точнее, просто навеса, чтобы можно было открыть дверь, не намкнув под дождем. У двери стояла маленькая деревянная скамейка. Выглядела

она как будто только что из магазина. Интересно, она прилагалась к дому или ее поставил сюда мистер Лизоблюд?

Эван протянул мне ключ.

– Будь добра.

Он улыбнулся мне. Интересно, о чем он думает? Вряд ли он мне сочувствует, уж точно не сейчас. Наверное, считает меня самой везучей стервой на планете. Когда у тебя куча денег, все можно купить. Я тому доказательство.

Я взяла у него ключ и отперла дверь. Тяжелый язычок замка громко лязгнул, отодвигаясь. Я не знала точную ширину двери, но помню, как подумала, что через нее можно и рояль затащить – огромный, в форме раковины, как в модных отелях и роскошных универмагах «Нордстром».

Сучковатые деревянные полы были цвета корицы, под стать запаху внутри. Кремовые стены и шторы цвета имбирного пряника вызывали ощущение, будто я нырнула в пряный чай с молоком. Все было настолько идеально, что у меня выступили слезы. Меня буквально захлестнуло счастье, смешанное с горем и стыдом.

Я скинула туфли и потопала через большую прихожую, под люстрой в виде колеса и лампочками размером с теннисные мячики. И где такие берут? Как вообще я буду их менять?

Столовая – да, тут есть столовая! – была прямо как из «Аббатства Даунтон», с толстым деревянным столом и семью стульями с высокими спинками. Еще четыре стула –

ужин для двенадцати персон, фу-ты ну-ты, – стояли у серванта. Интересно, нет ли в нем китайского фарфора? Я не осмелилась взглянуть.

Я продолжила осмотр и прошла на кухню. Там был остров, и около него только три стула, но место еще как минимум для шести. Хотя вряд ли мне понадобится больше трех. У меня никого нет, кроме Саванны, и я не собираюсь принимать гостей за завтраком. Будь у нас нормальная семья, наверное, мы ели бы в нише со стеклянными стенами и видом на мощные сосны.

Еще там была гостиная, которой я вряд ли буду пользоваться, и кабинет со встроенными книжными шкафами, которые мне не нужны. Они будут выглядеть по-дурацки, если я их не заполню, так что придется либо держать дверь закрытой, либо пристраститься к чтению.

Лестницу на второй этаж покрывал ковер, но я все равно поднималась очень медленно. Физиотерапевт велел не нянчиться с коленом – чтобы нога стала сильнее, нужно перевозмогать боль. Но я все же слегка оперлась на перила, отметив, какие они гладкие и широкие.

Наверху было три спальни. Первые две обычного размера, правда, к ним примыкали ванны и балконы, поэтому они казались больше. А хозяйская спальня находилась в конце коридора. Я распахнула дверь и застыла на пороге.

Я знала, что там будет большая двуспальная кровать, что-либо другое в таком пространстве смотрелось бы глупо. Но у

меня никогда в жизни не было такой огромной кровати. Это было одновременно роскошно и жестоко.

У подножия кровати стоял сундук для одеял. А чуть подальше – диванчик в стиле шебби-шик напротив камина, обрамленного стеклянной мозаикой, напоминающей разбитое лобовое стекло. Скорее целая квартира, а не спальня, и я задумалась, что мне делать с двумя гардеробными, если я теперь одна. Хватит ли выделенных мне денег, чтобы заполнить их новой одеждой? И зачем она мне?

Я села на кровать и посмотрела на стеклянную дверь, ведущую на балкон, больше похожий на террасу. Там был коврик из искусственной травы и два шезлонга. И вид на деревья и небо. Я невольно задумалась... Что это? Дом мечты или личная тюрьма?

А моих секретов хватит, чтобы заполнить весь этот огромный дом.

Эван

Три месяца назад

На тротуаре уже собрался народ. Это была узкая улица в спальном районе, с одноэтажными домами-коробками, разбросанными среди видавших виды оштукатуренных многоэтажек. Над моей головой на проводах качалась пара кроссовок. Кто-то однажды сказал – мол, это значит, что здесь продают наркотики, но не знаю, стоит ли этому верить. Ведь

если этот парень знает, то и наркоконтроль тоже в курсе, верно?

Я припарковал «Рендж Ровер» на безопасном расстоянии и пошел дальше пешком. Я осмотрел зевак: голоногая парочка в одежде для пробежки, пожилая дама с тележкой для покупок, женщина в сарафане, темных очках, сандалиях и с татуировками на руках, и три подростка, которые наверняка должны быть в школе.

Еще несколько зрителей таращились из дверей и с террас. Всего я насчитал девятерых. Один из них, темноволосый мужчина в новеньком спортивном костюме, направил на обломки телефон, вероятно, надеясь привлечь подписчиков в «Твиттере» видеозаписью с места кровавого происшествия. Вряд ли он известный блогер, но такие записи быстро разлетаются по всему интернету, поэтому я держался от его камеры подальше.

Я направился к полицейскому в форме, охраняющему место происшествия. В нескольких шагах от него по диагонали стояла «Скорая» с открытой задней дверью – готовилась принять пациента. А потом я опустил взгляд.

Меня тут же затошнило. Теперь я понял, зачем покойников накрывают тканью. Несомненно, этот человек погиб мгновенно. Его голова была похожа на сдутый баскетбольный мяч, а ноги согнуты как у тряпичной куклы, словно вместо костей мягкая набивка.

Я попятился, запутался в собственных ногах и чуть не

рухнул на двух фельдшеров, которые клали на носилки женщину.

– Простите, – промямлил я.

Сквозь порванную блузку женщины виднелась обнаженная грудь. Колено на одной ноге забинтовано. Повязка на голове уже промокла от крови. Ее веки слегка подрагивали, словно она то теряла сознание, то приходила в себя. Одна рука сжималась и разжималась, будто пытаюсь схватить что-то, неожиданно исчезнувшее с привычного места.

– Простите, – сказал я полицейскому в форме, стоящему ближе всех к телу. Мой голос дрожал, но не по тем причинам, о которых он наверняка подумал. – Женщина... Я... – Я запнулся. Мне не хотелось лгать полицейскому, однако нужно выудить из него информацию, которой он вряд ли поделится с посторонним. – Кажется, я знаю эту семью. Я хочу помочь, чем смогу. – В какой-то степени так и было. Я и правда хотел кое-кому помочь. Я же не сказал, что хочу помочь жертве. – Как ее зовут? Просто хочу убедиться, прежде чем... – Прежде чем что? Господи, что я несу? – Прежде чем свяжусь с...

Коп посмотрел на меня. На латунной табличке значилась его фамилия – Келлог, что ж, ему подходит – румяными щеками и вздернутым носом он напоминал мультяшных героев из рекламы хлопьев «Келлог». Я вспомнил ребят из моей школы, которые хотели стать полицейскими. Не сказать чтобы они были отличниками, зато могли испоганить мне

жизнь, так что задирать их было бессмысленно.

– Мы сами сообщим родным, – поспешил ответить он и отвернулся.

И тут я понял, что у меня проблемы. Потому что я не сумею взять все под контроль, не зная ее имени.

Щелк-щелк. За моей спиной фельдшеры разложили носилки, как гигантский аккордеон. Они уже собирались вкатить женщину в «Скорую». Я запаниковал. Обстоятельства складывались не в мою пользу.

– Куда вы ее увозите? – спросил я женщину-фельдшера, когда она начала толкать носилки в машину. – В какую больницу?

– В Пресвитерианскую в Тарзане, – отозвалась она, а потом задала вопрос, заставший меня врасплох: – Хотите поехать с нами?

Вопрос был настолько неожиданный, что я чуть не проговорился.

– Нет, я поеду на своей машине, – сказал я, подкрепляя ее догадку, что знаком с жертвой.

– Возьмете ее вещи?

Она сунула руку под простыню и достала нечто столь чудесное, что и ангелы бы запели, если б существовали.

– Да, спасибо, – ответил я.

Я протянул руку, и в порыве глупости она отдала мне женскую сумочку.

И моя первая проблема разрешилась.

Глава 2

– Я взял на себя смелость обставить тут все, – сказал я Холли, вручая ей ключ. – Не уверен, что для этого дома подойдет твоя мебель.

Я нервничал, хотя представления не имел почему. За десять лет работы с Джеком я принимал сенаторов и кинозвезд, даже одного наследного принца – людей с куда более взыскательным вкусом, чем у Холли Кендрик. И все же в ушах у меня почему-то стучал барабан.

– Ты сам все выбирал? – спросила она, не глядя на меня. Вопрос показался мне странным.

– Нет, – ответил я.

Конечно же, я солгал. Мне не хотелось, чтобы она узнала, сколько часов я провел в магазине, выбирая образцы тканей, открывая и закрывая ящики в попытке убедиться, что они удобные. Холли и так считала меня слюнтяем, я не хотел все усугублять.

– Можно мне осмотреться? – спросила она.

– Естественно. Это же твой дом. – Я мог бы на этом и закончить, но добавил: – Если, конечно, он тебе понравится.

Уж в этом я не сомневался. Как он может ей не понравиться? Дом находится в самом центре модного района Калабасас, как она и просила, на одной из лучших улиц. По сравнению с ее унылой квартиркой это же просто Букингемский

дворец. И все же мне хотелось, чтобы она решила, будто может выбирать, и если ей не понравится этот дом, мы просто выйдем и найдем другой. Хотя, вообще-то, и такое возможно.

Она подошла к ярко-красной входной двери и вставила ключ в замок. Ее фигура с узкой талией и роскошными, идеально округлыми бедрами была словно из другой эпохи. Родившись на пятьдесят лет раньше, она стала бы моделью в стиле пин-ап. И хотя слишком броский макияж и отросшие темные корни волос придавали ей дешевый вид, сзади светлые волнистые волосы идеально дополняли фантазию, от которой я заставил себя отмахнуться.

– Я подожду снаружи, – бросил я ей вслед.

Мне хотелось пойти с ней, посмотреть, как она проводит пальцами по отполированной каменной столешнице и сверкающей нержавеющей стали. Увидеть, как ее лицо озаряется при мысли, что все это теперь принадлежит ей, только ей. Но больше всего мне хотелось увидеть ее улыбку. За три месяца нашего знакомства она ни разу не улыбнулась. По крайней мере, мне.

– Не торопись, – сказал я ее затылку.

Дверь за ней закрылась с решительным хлопком.

Стоял великолепный летний день. Яркое солнце и освежающий ветерок. В Нью-Гэмпшире, где я вырос, такие дни были столь редки, что, если вдруг наступали, мы упрашивали учителей провести уроки на улице. Учителя тоже так ску-

чали по солнцу, что часто соглашались.

В Нью-Гэмпшир я больше никогда не возвращался. Ждать меня там было нечему и некому. Ну и ладно. Здесь, в солнечной Калифорнии, я нашел собственную версию семьи. «Бич Бойс» были правы насчет калифорнийских девчонок. Я не сразу привык к тому, что спортивный бюстгальтер можно носить вместо майки, но теперь могу этому только радоваться.

Я опустился на деревянную скамейку, которую купил за девяносто девять долларов, и тут же понял, почему она так дешево стоила. Я молча обругал себя. Обычно я подхожу к выбору тщательнее. Кое-как все-таки усевшись, я стал ждать.

На другой стороне улицы у себя в гараже возился мужчина. В потрепанных ливайсах и винтажных конверсах он выглядел как типичный киношник. В этом районе их полно. Такие люди никогда не взрослеют. Можете назвать меня старомодным, но я не стану полагаться на человека, который надевает на работу футболку с изображением рок-группы и кроссовки, не подходящие ни для одного вида спорта. Он заметил меня и помахал. Казалось неправильным махать в ответ, но все-таки я это сделал. Скоро он узнает, что я здесь не живу. Надеюсь, это все, что он узнает.

Когда открылась дверь, я вздрогнул. Я ожидал, что осмотр займет больше времени, что Холли будет рассматривать каждую деталь. И меня это разочаровало.

– Пожалуйста, скажи декоратору, что он отлично порабо-

тал, – сказала Холли без намека на улыбку.

Я не сомневался, что у нее очаровательная улыбка. Но вряд ли я когда-нибудь ее увижу.

Холли пошла к машине. Я заметил, что она хромает.

И внезапно понял – что бы мы ни делали, этого все равно будет мало.

Энди

Три месяца назад

Черт, черт, черт, черт! Почему я не выехал раньше? Я знаю почему. Потому что одного часа должно хватить, чтобы проехать шестнадцать миль, черт бы их побрал. Но это же Лос-Анджелес, быстрее долететь до луны, чем проехать здесь шестнадцать миль. А я просто упрямый осел, не желающий с этим мириться.

Я выместил всю свою ярость на руле, сжимая его с такой силой, что побелели пальцы. Стекающий пот щекотал позвоночник, пробираясь к выемке между ягодицами. За последние десять минут я не продвинулся и на три шага. Даже во время апокалипсиса, когда все ринутся на улицы одновременно, не будет такой пробки. А сейчас – вот, пожалуйста.

Я посмотрел на часы и быстро прикинул. Если я сверну с шоссе на ближайшем повороте и проеду по жилому району, то прибавлю в пути еще миль пять, но хотя бы не буду торчать тут, маринуясь в собственном поту.

Решения, решения... Я высунул голову в окно. Для мая стояла чудовищная жара с беспощадным солнцем и без намека на ветерок. По другую сторону ограждения шоссе обрамлял ряд пальм, напоминающий тюремную решетку, они издевались надо мной своим безжалостным однообразием. Давным-давно пальмы навевали мне образы тропических пляжей и коктейлей, но сейчас их безумная неподвижность выводила из себя.

Я посмотрел на телефон, размышляя, не позвонить ли и сказать, что я опаздываю, но если каким-то чудом я приеду вовремя, то буду выглядеть как паникер и вызову раздражение. А если не позвоню или позвоню в последнюю минуту, меня сочтут плохо воспитанным. Ох, ну почему я не выехал пораньше?

Я позвонил в офис своего агента. Трубку взял ее помощник.

– Поверить не могу, что говорю это, – начал я, – но, кажется, я опоздаю.

Он молчал, как будто и сам не мог в это поверить.

– Хотите, чтобы я туда позвонил? – спросил он, даже не скрывая свое потрясение.

– Стойте! – сказал я, и железная хватка на руле уступила место надежде. – Я опять еду! – Я нажал на педаль газа. – Не звоните им, возможно, я успею. Простите! И спасибо!

Я молча помолился богам дороги (пожалуйста, только бы не встали, только бы не встали!) и переключился на вторую

передачу, а потом и на третью. Если я продолжу ехать с этой скоростью, то еще успею вовремя. Если, конечно, не будет очереди на въезде и если от парковки недолго идти. Территория студии может тянуться и на десять кварталов. Если парковка далеко, я пропал.

К воротам я подъехал за четыре минуты до назначенного времени. Очереди на въезд не было (аллилуйя, мать твою!), но ситуация с парковкой оказалась дерьмовая. От офисов руководства меня отделяло шесть съёмочных площадок, и я обругал себя за то, что не надел кроссовки. Я припарковался на месте, зарезервированном для кинофургонов, откуда машину могли и отбуксировать. И побежал.

На встречу я прибыл с румяной, как у хрюшки, физиономией, а на больших пальцах и пятках уже взбухали мозоли. Секретарша секретаря спросила: «Не хотите что-нибудь выпить? Минеральной воды, капучино?», но после спринтерского забега я не доверял собственному желудку.

– Только воды, пожалуйста, – ответил я в надежде, что она не заметит выступивший у меня на лбу пот.

Мой агент приложила максимум усилий, чтобы устроить эту встречу. Не хочу бросаться именами, но человек, с которым я встречаюсь, и впрямь большая шишка, в Голливуде таких зовут «тройная угроза» – актер, продюсер и даже иногда режиссер. Он редко встречался со сценаристами, но ему явно понравился сценарий, который я написал для Клуни, и, если знакомство пройдет удачно, я буду работать с ним над

следующим блокбастером.

От святилища приемную отделяла перегородка из плексигласа. Внутри ярко освещенного террариума в отдельных закутках сидели лощенные миллениалы, вглядываясь в экраны компьютеров или еще как-то пытаюсь выглядеть занятыми. Сразу за ними находился кабинет босса. Я сразу понял, что это его кабинет, потому что увидел его силуэт на фоне большого эркерного окна с видом на площадку. Не знаю, почему это меня взбудоражило, я ведь знал, что он там работает. Но когда я увидел этого человека в его стихии, осознал, что через несколько минут буду сидеть напротив, дышать тем же воздухом, мои свежие мозоли на мгновение перестали пульсировать.

– Вот, пожалуйста.

Секретарша секретаря передала мне стакан воды. Никто больше не выдает бутылки из страха показаться неэкологичными. Она также вручила мне салфетку, которой я осторожно промокнул лоб, как только секретарша повернулась ко мне спиной.

Я похромал по ковру из коровьей шкуры к кожаному дивану цвета денег. Оглядел стену с кинопостерами – их было пять, и все хиты, – ощущая немой восторг от того, что прямо по ту сторону сидит легендарный киномагнат, которому стоит лишь кивнуть, и я смогу отправить обоих детей в колледж. И он хочет со мной работать! Мне нужно только не свалить дурака в те пятнадцать минут, которые он мне выделил. Как

сказала мой агент, с этим справится даже дурак вроде меня.

Прошло десять минут, потом еще десять. Я опоздал всего на три минуты – о чудо! – уж конечно, этого мало, чтобы он передумал со мной встречаться. Прошло еще пять минут. Я уже собрался звонить своему агенту, как подошла секретарша секретаря. На ее лице застыло страдальческое выражение.

– Простите, – извинилась она. – Случилось кое-что неожиданное. Сегодня встречи не будет.

И весь мой восторг лопнул, как воздушный шарик на день рождения.

Пока меня провожали обратно через приемную, я посмотрел в сторону офиса большого босса, но он закрыл жалюзи, и я не увидел, с кем он решил встретиться вместо меня. Да это все равно не имело значения. Мне просто дали под зад коленом.

Когда я шел к машине, экран телефона вспыхнул. Звонила Лора, мой агент. Наверняка хотела узнать, как все прошло. Я сбросил входящий вызов. Через мгновение телефон снова загудел. На этот раз звонила Либби, моя жена. Эта работа была позарез нужна мне. Нам. Я не ответил, и включился автоответчик.

По дороге мимо трейлеров и съемочных площадок я вспоминал эпизод из «Семейки Брэди», моего любимого сериала в детстве. Кто-то из семейки хотел увильнуть от свидания, не задев чувства парня – должно быть, Марша, потому что

Синди была еще мала, а с Джен никто не хотел встречаться. Весь первый акт Марша мучительно размышляла, как бы не обидеть парня, и наконец сказала то же самое – «случилось кое-что неожиданное». Тогда я услышал эту фразу в первый раз, а во второй – десять минут назад. Парень Марши, как и любой человек хотя бы с одной извилиной, понял, что это означает: «Ты мне не нравишься». Я не помню, чем закончилась серия, но мне было очень жаль парня и стыдно за Маршу, самую милую из трех сестер, уж она-то должна была вести себя приличнее.

Наконец, я доплелся до парковки. Ноги просто отваливались. Мозоль на левой пятке лопнула и протекла сквозь носок, испачкав стельку остроносых оксфордов. К счастью, машина была на месте. Я дохромал до нее, залез внутрь и в уединении темной скорлупы салона снял окровавленный ботинок, и, хоть я никогда в жизни в этом и не признаюсь, заплакал.

Глава 3

– Ты познакомился с новыми соседями? – спросила Либби с порога гаража, уперев руки в бока.

Прозвучало это скорее как обвинение, чем как вопрос. В изгибе ее безупречных бровей читалось раздражение. Если дам положительный ответ, она спросит: «А почему меня не познакомил?», – если отвечу «нет», последует: «А почему?»

– Я помахал мужу, – ответил я, припоминая мужчину, сидящего на деревянной скамейке, широко расставив ноги, потому что его крупная фигура не умещалась на узких деревянных досках. – Они, похоже, торопились, – солгал я в надежде, что вранье избавит меня от потока «Почему ты не сделал то-то и се-то».

– Им столько всего привезли, – сказала она, как будто удивляясь, что люди переезжают в новый дом и привозят вещи. – Похоже, вся мебель новая!

Она была права, за последние несколько дней к дому постоянно подъезжали грузовики – мебель для спальни, ковры, посудомойка и стиральная машина. Я не знал наверняка, нормально ли это, когда пара среднего возраста покупает все новое, может, это просто выводит из себя – мы-то за десять лет даже телевизор новый не купили. Я поразмыслил над вариантами. Молодожены? Карьера пошла в гору? Или просто приехали издалека и решили не тащить все с собой?

– Интересно, сколько они заплатили за дом? – высказала свои мысли Либби, а я задумался, с чего вдруг ее это волнует. – Чем больше, тем лучше, – добавила она.

Мы не говорили о продаже дома, но я внезапно понял, что она думает об этом уже какое-то время. А я-то считал, что она потащила меня смотреть «великолепный традиционный дом с тремя спальнями и свежим ремонтом», который выставили на продажу, только ради развлечения.

Я повозился с пылесосом в надежде, что она поймет намек и вернется в дом. Идея превратить гараж в столярную мастерскую пришла мне в голову случайно, но оказалась гениальной. Теперь я мог уходить из дома, не растрачивая выделенное мне «личное время». Я не особо мастеровитый столяр, но мне нравятся мои поделки – книжный шкаф для девочек, табурет для кладовки. Я даже переделал все карнизы в столовой. Этот проект я растянул на целый великолепный месяц. А в те редкие дни, когда мы пользовались столовой, я мог похвастаться делом своих рук.

– Что они за люди? – спросила Либби.

Если бы я не знал ее пятнадцать лет, вопрос показался бы туманным. Но я точно знал, о чем она спрашивает. У них есть деньги? А связи? Знакомство с ними может быть полезным? Это ведь Лос-Анджелес. А я занимаюсь кино.

– Понятия не имею, – честно ответил я. – Он был в костюме.

Конечно, это могло означать что угодно. Адвокат? У меня

уже есть адвокат. Агент? Тоже есть. С другой стороны улицы я не мог разобрать, хороший костюм или дешевый, из тех, что продают «два по цене одного». Может, он вообще работает в обувном магазине.

– Ну, раз они могут себе позволить этот дом за цену, которую за него просили, значит, дела у них идут хорошо. – И на этом она могла бы остановиться, но не сдержалась: – Лучше, чем у нас.

Это был удар под дых. Конечно же, она права. Тот дом был нам не по карману. К счастью, и наш был вполне неплох. Хотя о нашем браке такого не скажешь.

Я часто размышлял о жизненном цикле брака. Сказки, которые я читаю дочерям, всегда заканчиваются свадьбой. Путь к ней долог и тернист, да еще и злые сводные сестры чинят препятствия, пытаюсь разлучить принца и принцессу. А потом – «и жили они долго и счастливо». Сказочникам не интересно, что будет дальше. Они либо верят, что у героев все идет гладко, «пока смерть не разлучит их». Либо же знают, что брак гораздо сложнее и сказочного в нем немного.

Я помню времена, когда не мог наглядеться на жену. Я любил возвращаться к знакомым разговорам, в знакомую постель, к знакомому сексу. Любил ее смех. Любил, что она смеется часто и вольно. Но больше всего любил ее оптимизм. Я занимался рискованной карьерой киносценариста, а она считала, что это круто, и не сомневалась, что однажды мы разбогатеем. Но мы не разбогатели. И Либби быстро поняла

– нет ничего крутого в том, что ты не знаешь, когда придет следующий гонорар. Но все стало еще хуже, когда я совсем перестал зарабатывать.

Запах неудачи преследовал меня повсюду, прокладывая себе путь в каждое «доброе утро», каждое «спокойной ночи», в каждое «что нового?». Как бы ни была разочарована во мне жена, я был разочарован в себе гораздо больше. Я жил с гнетущим чувством, что вот-вот произойдет катастрофа. Один из нас что-то скажет или сделает, подтолкнув другого к разрыву. Я пытался отвлечься, делая табуретки, оттачивая столярные навыки, но знал, что не могу прятаться вечно. В конце концов мне придется признать, что наш брак терпит крах, и смириться с тем, что лучшие дни остались позади. Я думал о Белль и Золушке, уходящих в закат со своими прекрасными принцами. Если они надеялись, что отныне будут жить долго и счастливо, надо бы обрадовать злых сводных сестер – они посмеются последними.

Холли

Три месяца назад

За рулем на телефон я не отвлекаюсь, но как только паркуюсь, проверяю сообщения и почту. Такой у меня пунктик. Конечно, пока я еду из пункта А в пункт Б, ничего глобального не случится, но я всегда залезаю в почту, прежде чем выйти из машины. Не считая того случая, когда начальник

прислал мне имейл с просьбой приехать на час раньше, чтобы выписать новые счета нескольким клиентам, я никогда не получала срочных писем. Мне плевать, что в каком-то магазине началась распродажа, а о выигрышах в лотерею по электронной почте не сообщают. Да и в лотереях я не участвую. Как я и сказала – просто пунктик.

У нас было место на подземной парковке, но муж одолжил его соседу, чья сестра приехала из Сан-Диего (На своем новеньком «Камаро»! Как мы могли отказать?), поэтому мы припарковались на улице. Сегодня было жарко, и я пока не выключала двигатель. Кондиционер в стареньком «Чероки» все еще работал «на ура», и мне хотелось насладиться прохладой до последней секунды. У нас в квартире стоял кондиционер, но мы старались не включать его на весь день, потому что он обходился недешево, а ведь еще даже не лето.

Муж обошел машину спереди и постучал в мое окно («Пошли!»), а я подняла указательный палец («Секундочку!»). Он открыл мою дверь, как будто собирался силком вытащить меня из машины. Он до сих пор стрижся коротко, по армейской привычке. Ходил к парикмахеру каждую неделю. Я твердила ему, что это напрасная трата денег. Это же простейшая в мире стрижка! Я и сама могу его постричь. И он купил мне машинку. Показал, как выстригать за ушами. Наверное, это было единственное место на его теле, которое я еще не изучила. И я вдруг заревновала к его бывшим парикмахерам – им-то эта территория была известна задолго до

меня.

– Проклятый телефон когда-нибудь тебя доконает, – пожурил меня он, вынимая мобильник из моей руки.

– Эй! Я читала имейл из школы нашей дочери!

– Школа может и подождать пять минут, – нахмурился он.

Конечно, может, но мне просто хотелось дочитать.

Он потянулся ко мне. Я вспомнила, как он обычно держал меня за руку. Крепко, но не жестко.

Я вспомнила, как меня вытянули из машины его руки знакомые настолько, что почти были частью меня самой.

Вспомнила, как мы боролись за мой телефон, как муж держал его на расстоянии вытянутой руки, заставляя меня бросаться вперед, как котенок на моток пряжи.

Вспомнила, как он смеялся, игриво и нежно, засовывая телефон в задний карман.

Вспомнила, как он, пританцовывая, стал пятиться от меня, когда я схватила его за зад, словно неловкий подросток на первой школьной дискотеке.

Вспомнила, как плечо отозвалось на нечеловеческой силы удар, вырвавший мужа из моих объятий.

Вспомнила, как скрежетала дверь, когда ее оторвало от машины с таким хлопком, будто разом открыли тысячу бутылок шампанского.

Вспомнила, как здоровенный кусок металла врезался мне в колено, а потом меня крутануло, словно волчок, и я упала на мостовую.

Вспомнила, как горячий асфальт обжег мне щеку, как мне хотелось поднять голову, но я словно забыла, как это делается.

Вспомнила, как время будто замедлилось. Мне было некуда больше спешить. Нечего делать.

Разве что умереть.

Глава 4

День переезда настал слишком быстро.

Я знала, что нет смысла перевозить в новый дом вещи погибшего мужа, но не могла их просто бросить. Эван предложил «заняться ими», но я не хотела, чтобы он трогал вещи моего мужа. Не считая воспоминаний, моих и нашей дочери, эти поношенные кожаные ремни и растянутые спортивные костюмы – все, что от него осталось. И я упаковала их в коробки.

– Куда это поставить? – спросил меня грузчик, стоя у одной из них.

В отличие от коробок с туалетными принадлежностями и постельным бельем, снабженных аккуратными ярлыками, на которых было указано содержимое и место его назначения («кухонные полотенца»/ «кухня»), я не знала, куда деть коробку с обувью покойника, поэтому не подписала ее.

Я подумывала о гардеробной, одной из двух. Но сложить его вещи там – это какая-то нездоровая идея.

– Просто отнесите в гараж, – ответила я.

– Добро пожаловать в наш район! – Наверное, я подпрыгнула, потому что мой новый сосед извинился: – Простите, что напугал. Я живу напротив. Энди.

Он протянул руку, и я пожала ее.

– Холли.

Вот черт. Я и не подумала, что скажу соседям. Я осмотрела его мешковатые джинсы и выцветшую футболку с АС/ДС. Так здесь принято одеваться? Как будто косишь под рок-звезду? Я вдруг испугалась, что неправильно оценила район. Я думала, жители Калабасаса заносчивы и держатся обособленно. И что он вообще делает дома в разгар рабочего дня? У него что, работы нет?

– Примите мои поздравления, дом великолепен. Мы... мы с женой прошлись по нему, когда его выставили на продажу, – радостно произнес безработный рокер, словно заявить, что он был у меня в спальне, для него в порядке вещей. – Вы никогда раньше здесь не были?

У меня колотилось сердце. И как скоро он догадается, что я самозванка? Может, уже знает? Наверняка недоумевает, что в таком роскошном доме делает женщина, которая носит джинсы из дешевого универмага.

– Спасибо, – выдавила улыбку я.

И даже улыбка у меня фальшивая.

– Издалека приехали? – напирал он, и мое сердце забилося еще быстрее.

Он точно знает, что я с северной окраины, где стоят многоквартирные дома. Он просто хочет это услышать. Я уже его возненавидела.

– Нет.

Как тебе такое, а? Учусь у дочери-подростка.

– В общем, дайте знать, если что-то понадобится, – бодро

произнес он. – Моя жена знает хорошие магазины поблизости.

Он подмигнул мне.

Я постаралась не огрызнуться в ответ. Я что, выгляжу как женщина, которая любит прошвырнуться по магазинам? Или которой необходимо пройтись по магазинам? Скорее, последнее.

– Вы очень любезны, спасибо.

– Мам! – пришла мне на помощь Саванна.

На меня нахлынула волна облегчения, наконец от соседа можно отделаться.

– Это моя дочь. Мне нужно идти. Приятно было познакомиться...

Черт, я уже забыла, как его зовут.

– Энди.

– Энди. Простите.

– Ничего страшного. Холли, верно?

Один-ноль в его пользу.

– Да.

– Еще увидимся, Холли.

Он помахал мне и пересек улицу.

Мой дом был явно лучше, чем у них.

И я понятия не имела, как сумею это объяснить.

Эван

Три месяца назад

Медсестра в выцветшей и заляпанной ярко-розовой форме наконец-то посмотрела на меня из-за стойки. Я чувствовал себя полным идиотом, стоя здесь в костюме почти за две тысячи баксов и держа в руке сумку из кожзама, явно купленную на распродаже. Разумеется, мои ботинки совершенно не подходили к сумке, и я гадал, заметила ли медсестра столь явное несоответствие.

– Чем могу помочь? – спросила она.

У меня заныло в груди. Что это, вина? Я не имел права здесь находиться. Я самозванец и мошенник. Страх? Стыд?

– Холли Кендрик? – спросил я так, словно всю жизнь произношу ее имя, хотя на самом деле делал это впервые.

Я старался не называть ее родственницей или подругой при тех, кого могло бы заинтересовать, зачем я здесь.

Медсестра на секунду задержала на мне взгляд. Я проклинал свой костюм богатого парня. Наверное, я выглядел как директор похоронной конторы. Кто вообще приходит в отделение скорой помощи в костюме?

– Вы член семьи? – спросила она.

К этому я подготовился. Я открыл рот, чтобы извергнуть поток лжи, но прежде чем успел произнести хоть слово, раздался душераздирающий крик. Я решил рискнуть.

– Это Холли, – заявил я с фальшивой уверенностью.

Крик усилился. Началась суета. Медсестры, врачи и интерн с усталыми глазами бросили все дела и поспешили на звук. Из палаты слышались слова утешения. Крики превратились в рыдания. Она жалобно застонала.

– Прошу вас, – взмолился я, немного удивившись тому, что на самом деле встревожился.

Я и не думал, что когда-нибудь услышу такой крик, и на секунду испугался, что не сумею все это выдержать.

Медсестра наконец-то сломалась. Может, ее убедила сумка.

– Последняя койка слева.

Она нажала на кнопку, и автоматические двери, ведущие в палату/отделение, открылись. Я коротко ей кивнул. Палата была почти пуста. Я прошел мимо старика, подключенного к аппарату искусственного дыхания, похоже, пациент бы уже на грани смерти. Через пару кроватей девочка с ногой в гипсе играла на телефоне. Ее родители кивнули мне, и я печально улыбнулся в ответ.

Наконец, я дошел до конца ряда. Шторка вокруг кровати Холли была задернута, и на миг я растерялся.

– Можете на нее взглянуть, но она сейчас спит. Мы не хотели пугать других пациентов, – сказала врач в белом халате и рывком отдернула шелестящую шторку.

И вот я очутился у изножья больничной койки, на которой лежала Холли Кендрик. Из ее водительских прав я выяснил,

что ей тридцать семь, но сейчас она была в таком состоянии, что с виду и не догадаешься. Из-под толстой белой повязки на голове выбился локон светлых волос. Никто не потрудился снять с ее глаз яркий макияж, и он размазался, сделав ее похожей на нечто среднее между енотом и грустным клоуном. Ее губы пересохли, а уголки были опущены, как у мертвой рыбины. Глаза были крепко зажмурены, как будто пытались сморгнуть кошмарный сон. Рассматривая ее в таком уязвимом состоянии, я чувствовал себя вуайеристом, хотя на самом деле был куда хуже.

Я знал, что сделать все за один визит никак не сумею, но уйти, даже не установив контакт, тоже не мог. Отрепетированная речь была у меня уже наготове. У меня есть визитки на все случаи жизни – «судебный юрист», «агент по недвижимости», «консультант». Я – корпоративный Джейсон Борн. Но в этот раз я не знал, какая из них пригодится, и поэтому держал под рукой все.

Для начала я бы пособолезновал ее утрате. Например, сказал бы: «Молюсь вместе с вами», но не мог. Я не верю в Бога. И не молюсь. Мне не за кого молиться.

Первый ребенок моего брата умер от СВДС – синдрома внезапной детской смерти. Он нашел холодную и окоченевшую девочку в колыбели. Врачи не знали, чем это объяснить. Очевидно, так просто случается, и все тут. Брат был безутешен. Он спрашивал Бога: «Почему я? Что я такого сделал? Пожалуйста, я буду лучшим отцом, лучшим мужем, только

отправь меня обратно в прошлое».

Бог не соизволил отправить его в прошлое. И все же брат не утратил веру. Наоборот, трагедия только укрепила ее. Он пытался понять, что произошло. Его дочь наверняка умерла по какой-то причине. Может, не для того, чтобы его наказать. А чтобы преподнести урок. Да, наверняка так и есть, Бог убил его ребенка, чтобы чему-то научить моего брата. По моему мнению, брат должен был извлечь из этого единственный урок – никакого Бога не существует. Но по его глазам я видел, что ему меня жаль.

Так что сказать женщине, на глазах у которой внедорожник раздробил ее мужу ноги и впечатал его череп в асфальт с такой силой, будто кто-то рассек плоть и кости топором? Соболезную вашей потере? Зачем вообще люди так говорят? Потеря – это самая меньшая из проблем. Сочувствовать надо боли, которая следует за потерей. Потеря – это точка на линии времени, всего лишь короткий миг. А вот горе беспощадно – это тлеющий огонек, разгорающийся даже от шепота. Оно прожигает себе путь в самые глубины души, а потом прорывается наверх как желчь, наполняя легкие, пока не станет трудно дышать. Моя мать умерла через полгода после того, как я окончил юридический факультет. Я не мог дышать целый год.

Я поставил сумку в ногах у Холли, потому что больше ее приткнуть было некуда, и задумался над следующим шагом. Я понимал, что прийти в реанимацию, – наглость, но не мог

рисковать, выжидая еще несколько часов. Я подумывал ее разбудить. В больнице пациентов постоянно будят – принять таблетки, снять показания, взять кровь. Обычное дело. Но я не знал, какие лекарства ей дали и будет ли она соображать.

– Вам помочь? – раздался суровый женский голос.

Я обернулся, ожидая увидеть медсестру в розовой форме кого-нибудь из местных волонтеров. Но, к моему удивлению, хотя я и был к этому готов, это оказался кое-кто поважнее.

– Ты, наверное, Саванна, – сказал я так, чтобы это не прозвучало как вопрос.

Я узнал ее по выпускной фотографии из восьмого класса, которую нашел в интернете по пути в больницу.

– Кто вы и что вам надо?

Ее тон был враждебным. Подростки – как дикие животные, повинующиеся инстинктам, способны учуять хищника. Она явно почувствовала, что от меня исходит угроза. И конечно, она права.

Я ответил без колебаний:

– Меня зовут Эван, и я хочу вам помочь.

Ее губы изогнулись в злой гримасе, и на мгновение я подумал, что она меня ударит.

– Вы адвокат?

Я решил не отвечать прямо. Конечно, я адвокат, но, пожалуй, не стоит об этом сообщать. И потому я ответил вопросом на вопрос:

– А что, вам нужен адвокат?

Но моя воинственная юная противница ничего не выдала.
– Думаю, вам лучше уйти.

Я посмотрел на нее, на тесные джинсы и массивные ботинки, на зубы, нуждавшиеся в брекетах, которые ее мать не могла оплатить. «Гугл» сообщал, что Саванне пятнадцать и она почти окончила десятый класс. Десять школьных лет в неблагополучном квартале наверняка научили ее выживать на улицах, но она понятия не имела, как устроен мир. По крайней мере, я так решил.

– У меня есть важная информация для твоей мамы, – сказал я.

И это была почти правда. У меня действительно была информация для Холли. Но куда больше мне нужно было получить информацию от нее. Что она видела? Что помнит? И что собирается с этим делать?

Девочка с упрямым вызовом скрестила руки на груди.

– Она захочет это услышать, – настаивал я.

Мне нужно было поговорить с Холли. И я не собирался уходить из-за какой-то воинственной девчонки.

– Мы знаем все, что нам нужно. – Она помахала своим айфоном. Наверное, я выглядел озадаченным, потому что она разъяснила: – В маминой машине есть видеорегистратор. Он все записал.

Ее слова выбили почву у меня из-под ног. Я застыл с разинутым ртом, слишком ошеломленный, чтобы говорить.

Если Саванна сказала правду, мне понадобится еще одно

чудо.

Я вдруг пожалел о том, что не умею молиться.

Глава 5

– Так что, дом теперь принадлежит мне? В смысле, официально записан на мое имя?

Холли перебирала страницы контракта, разложенного на столе перед ней. Я прекрасно понимал ее желание знать, что она подписывает, но ведь она сейчас даром получает дом за два миллиона долларов. Какого черта она тогда так волнуется?

Я объяснил, что дом принадлежит трастовому фонду, она – бенефициар этого фонда, а я – попечитель. Объяснил, что так она не будет платить налоги на собственность – об этом позаботится траст. А еще добавил, что траст также будет выплачивать ей определенную сумму и покроет все расходы, связанные с аварией. Не знаю, устроило ли ее это или просто захлестнули эмоции, но она подписала.

Я подвинул к ней последний документ. Пока она читала его в угасающем вечернем свете, я понял, что мое колено под столом подскакивает, и положил на него руку, чтобы это прекратить.

– А это что значит? – спросила она.

– Соглашение о неразглашении.

Она медленно кивнула.

– Это значит, что я не должна никому говорить, почему вы все оплачиваете.

Я кивнул. Мы уже это обсуждали.

– И Саванна тоже должна подписать, да?

– Именно так.

– Саванна! – крикнула она, а потом покачала головой. – Я не привыкла к такому большому дому. Схожу за ней.

Она отодвинула свой стул. Я заметил, что она поколебалась, прежде чем перенести вес на левое колено. Меня окатило волной стыда. Но мы заключили сделку, и пути назад не было.

Оставшись на кухне в одиночестве, я огляделся. На ручках сверкающей новой техники висели потрепанные кухонные полотенца. Кварцевая столешница была отполирована до блеска. На столе в уголке для завтрака Холли разложила салфетки. Круглые, с веселыми желтыми цветами.

Я вспомнил кухню в доме моего детства в сельском Нью-Гэмпшире. У мамы были такие прямоугольные ламинированные салфетки под тарелки с изображением европейских городов. И я ел, глаза на Эйфелеву башню, Колизей или барселонский храм Святого Семейства. Для меня это был единственный способ побывать в Европе. Не помню, знал ли я тогда вообще, что это реальные места. Я понятия не имел, где и почему мама, которая, насколько мне известно, никогда не покидала штат Нью-Гэмпшир, покупала те салфетки. Может, хотела заечь во мне искру интереса к миру вокруг. Или просто считала их красивыми. И быть может, именно из-за этих салфеток после окончания Йеля я уехал как мож-

но дальше от Нью-Гэмпшира и как можно быстрее.

– Вы же в курсе, что мне только шестнадцать, да?

В дверях появилась Саванна и сердито уставилась на меня, как принято у подростков. Значит, со дня аварии она уже успела отпраздновать день рождения. Ох уж эти славные шестнадцать. Когда за ее спиной появилась Холли, я не мог не заметить, что у Саванны совершенно другая фигура – крепкая и спортивная, в отличие от плавных изгибов ее матери.

– И все же мы хотим, чтобы ты подписала, – сказал я Саванне. – Ты в числе бенефициаров. Важно, чтобы ты понимала условия.

По правде говоря, я хотел ее припугнуть. Подписав договор, она подтвердит, что осведомлена о причитающихся ей выплатах, и это, как я надеялся, вынудит держать язык за зубами.

Я протянул ей ручку. Саванна взяла ее, и я заметил свежий маникюр. Ногти были покрашены в бледно-серый, только на безымянных пальцах лак был ярко-синего цвета – так делала моя бывшая подруга, любительница тусовок. Похоже, Саванна быстро привыкает к новому образу жизни, и это хорошо. Чем больше она наслаждается роскошью, тем меньше у нее будет желания нарушать договоренности.

Она написала свое имя идеальным каллиграфическим почерком и подвинула бумагу мне. Когда я собирал документы, в дверь позвонили. Мы переглянулись, словно нас застали за

ограблением банка.

– Вы кого-то ждете? – спросил я Холли, и она покачала головой.

Мы оба посмотрели на Саванну.

– А что сразу я!

– Единственный, кто знает, что мы здесь живем, это ты, – сказала Холли, глядя на меня.

– А полиции ты новый адрес не давала? – спросил я, пытаясь подавить нарастающую в голосе панику.

– Они и так узнают, где нас найти, – вмешалась Саванна. – Это же полиция.

Моя машина стояла на подъездной дорожке. Я мог бы выскользнуть через заднюю дверь, но если копы уже записали мои номера, будет только хуже. Стоит им копнуть под меня, как они выйдут на Джека. А там – одна догадка, и все выйдет наружу.

Опять прозвенел звонок, а затем послышался стук в дверь.

– Может, мне все-таки открыть? – спросила Холли, и я нехотя кивнул.

Во всем доме горел свет. Ни один толковый, да что там, даже самый жалкий детектив не поверит, что никого нет дома.

Когда Холли направилась к двери, я задержал дыхание. Мы с Саванной остались на месте, а она посмотрела в глазок и открыла – на пороге стояли четверо улыбающихся людей.

– Мы в курсе, что это банально, но наши дочки испекли вам печенье, – объявил мужчина.

Это был хипстер из дома напротив, с женой и двумя детьми. Какое облегчение – вечерние гости Холли оказались не из полиции Лос-Анджелеса, но то, что я позволил соседу увидеть меня здесь во второй раз, было вопиющей неосторожностью. Наши взгляды встретились, и я помахал рукой, закрепив свою связь с этой семьей и этим домом.

– Энди, – сказала Холли соседу, не вопросительно, но не совсем уверенно.

– Точно. А это моя жена Либби и наши дочери Татум и Марго.

Когда Холли улыбнулась младшей, та спряталась за материнской спиной.

– Вы, наверное, совсем вымотались, – сказала жена хипстера. – Так что мы просто заскочили поздороваться. Если вам что-то понадобится, мы всегда рядом.

Жена выглядела лет на сорок, но была в хорошей форме, с пышными распущенными волосами и подтянутыми руками. На ее запястье болтался мужской «Ролекс». Может быть, семейная реликвия? Как бы то ни было, я тут же понял, что она за собой следит.

– Как это любезно с вашей стороны, Либби, – Холли взяла протянутую тарелку.

– Мы не стали добавлять орехи, сейчас ведь никогда не знаешь... – сказала Либби, поглядев на Саванну.

– И с орехами было бы нормально, но спасибо.

Холли выжидающе посмотрела на дочь.

– Да, спасибо, – эхом отозвалась Саванна.

– Это Саванна, – представила ее Холли.

– Привет, Саванна, – поздоровалась женщина.

А потом новые соседи Холли вдруг уставились на меня.

Мы не планировали, что придется объяснять мое присутствие, и поэтому я выдавил только:

– Эван.

Я приехал прямо из офиса, и на мне опять был костюм. Хорошо хоть пиджак я оставил в машине. И снял галстук. Я бы предпочел не выглядеть как адвокат, но теперь уже ничего не поделаешь.

После очередного обмена любезностями незваные гости удалились. Но ущерб уже был нанесен. Они видели меня с Холли и Саванной в доме, который купил для них мой босс. Между Джеком и этой семьей стоял только один человек, и этот человек – я.

– Что скажешь им обо мне, если спросят? – поинтересовался я у Холли, когда все четверо удалились в дом напротив.

– Ничего, – резко ответила она, как будто я ее в чем-то обвинял.

Холли явно не станет рассказывать им, что я в буквальном смысле ее сообщник. По крайней мере, не специально.

– Нужно подготовиться на случай, если они начнут зада-

вать вопросы, – напирал я.

– Ну, врать я точно не собираюсь, – сказала Холли. – Хватит с меня лжи.

У меня засосало под ложечкой. Рано или поздно они выяснят, что Холли не замужем и не работает. И тогда возникнут вопросы. Это ведь дорогой дом. И жена соседа явно это заметила.

Холли, похоже, почувствовала мое беспокойство, потому что добавила:

– Здесь кругом одни заносчивые богачи. Они забудут обо мне через неделю.

Я посмотрел на печенье, по кругу разложенное на толстой керамической тарелке. Полиэтиленовая обертка покрылась конденсатом – печенье еще теплое.

– Полагаюсь на тебя, – сказал я, надеясь, что ей можно верить.

Я смотрел, как соседи заходят к себе домой. Холли ошибалась. Они вернутся. Они же оставили тарелку. И у них будут вопросы, которые собьют с толку даже опытного лжеца вроде меня.

Энди

Три месяца назад

Наверное, мне нужен психотерапевт, но любой, кто смотрел «Умница Уилл Хантинг», знает, что психотерапевты са-

ми чокнутые. Да и откуда у меня на это время? Да, я был в депрессии, но тут никакой загадки нет. Прошел почти год с тех пор, как мне в последний раз платили за тексты, мы были на мели, и у меня вообще не было перспектив. Ну и как тут не впасть в депрессию?

Когда-то я работал журналистом-расследователем. Деньги платили смешные, но я работал не ради них. Я писал об удивительных людях – подростке, ложно обвиненном в убийстве, который изучил в тюрьме юриспруденцию и доказал свою невиновность; о семидесятилетнем мужчине, покорившем Эверест; об отце троих детей, инсценировавшем собственную смерть. Я торговал фактами. Но в кинобизнесе главной валютой были фантазии. И я наелся их сполна.

Я из кожи вон лез, чтобы попасть на эту встречу. Ее назначили аж за полтора месяца. Я подготовился, как перед интервью, запомнил такие подробности, которых не знал даже сам дьявол. А потом пришел на встречу, и меня отшили только потому, что «случилось кое-что неожиданное»? Какого черта? Я проклинал себя за это самоедство.

Будь я чуть более просветленным, то увидел бы в этом и светлую сторону. В конце концов, я ведь работал в одной из самых конкурентных отраслей в мире. У меня был влиятельный агент, который предоставил мне доступ ко всем крупным игрокам и внушил, что скоро и я сам стану таким. Но этого так и не произошло. Я прожил в Лос-Анджелесе почти восемь лет, но все еще чувствовал себя ребенком, ко-

торый стоит перед аквариумом и рассматривает ярких рыб, прижавшись лицом к стеклу. Я пытался полюбить протяженные хайвеи (только не вздумайте называть их автострадами!), бесконечное лето, даже за бейсболистов из «Доджерс» начал болеть, но Лос-Анджелес по-прежнему казался мне очередным приятелем очередного знакомого, здесь не было ничего полностью принадлежавшего мне. Даже моя карьера и та не принадлежала мне полностью. В Голливуде крутятся большие деньги, но их надежно оберегает целая сеть привратников, мастерски морочащих новичкам голову.

Голливудская элита заботится только о своих. По сравнению с ними я был пришельцем из другого мира, и меня скорее терпели, чем воспринимали как дорогого гостя – пускали в дом, но за стол не звали.

Однако Голливуду нужны мечтатели вроде меня, потому что без посторонних не может быть своих. Поэтому время от времени привратники бросают нам кость, чтобы мы и дальше пускали слюни у двери. А мы с голодухи хватаем объедки с их стола, надеясь вступить в игру наравне с ними, похвастать перед всеми заключенной сделкой. Таких, как я, были тысячи, они скреблись в закрытую дверь, но внутрь попадали лишь единицы. В конце концов в прокат выйдет только крошечная горстка фильмов. И я, сценарист почти без принятых сценариев, был частью этого огромного механизма, который не переставал работать, но почти ничего не производил.

Так почему же я просто все не бросил? Эта игра в обхаживания с легкой эрекцией затягивала. Каждый раз, когда мне хотелось сдать(ся (например, сейчас), прямо перед носом у меня появлялась морковка (например, мегазвезда выказывала интерес к моей идее), и, казалось бы, делов-то – протяни руку и хватай, но не тут-то было. The Eagles были правы на все сто: Голливуд – это «Отель Калифорния»¹. Хочешь не хочешь, но как только он вцепится в тебя когтями, сбежать уже невозможно.

Лежа той ночью в постели, я думал о будущем. Возможно, в «Нью-Йорк таймс» найдется для меня место, но возвращаться в газету было все равно что отступить. Печатные издания умирают. Деньги, славу и возможность дотянуться до людей в самых дальних уголках земного шара можно получить только через кино. Я хотел, чтобы мои истории разворачивались на большом экране под саундтрек из колонок с объемным звуком, чтобы их на фоне великолепных пейзажей рассказывали актеры, от таланта которых замирает сердце. К тому же я не мог просто позвонить бывшему шефу и попросить работу. Мне нужна была причина – интересная история.

Разумеется, искать ее я не собирался. Но порой интересные истории находят меня сами.

¹ В песне Hotel California описывается роскошный отель, из которого невозможно выбраться.

Глава 6

– Хочешь, расскажу кое-что странное? – спросила Либби, когда я присоединился к ней за завтраком.

Для пилатеса она натянула гладкие легинсы, а волосы собрала в высокий хвост. После пробуждения я еще не оделся и был в боксерах и белой футболке.

– Конечно, – ответил я, чтобы ей потрафить.

У Либби были иные представления о странном, нежели у всех остальных. Она считала странным чай с молоком, хотя целая нация, делившая с ней добрую часть генов, пила чай с молоком каждый день.

– Кендрики не числятся владельцами своего дома. Я проверила.

«Что действительно странно, так это то, что ты решила это проверить», – подумал я. Но подыграл ей.

– Хм, – безразлично произнес я. – А кто же владелец?

– Какая-то компания под названием «Счастливей случай», – сообщила она.

– Может, спросишь у них? – невозмутимо продолжал я.

– Это ведь ты у нас журналист-расследователь, – парировала она.

Ага, но мне на них плевать. Однако и эту мысль я высказывать не стал.

– Хорошо тебе позаниматься, – отмахнулся я.

Она откинула хвост и потрусила к машине. Я не мог не восхищаться тем, как она придерживается своих ритуалов даже в трудные времена. Она никогда не пропускала занятия в спортзале, делала макияж даже ради похода в продуктовый магазин, придумывала затейливые блюда, от которых не отказывались даже наши привередливые девочки. Когда я сидел без работы, она становилась раздражительной, но никогда не позволяла себе опускать руки. Когда я раскисал, она сохраняла стойкость, когда я упивался самоуничижением, она оставалась уверенной в себе. Мы были живым доказательством того, что противоположности притягиваются. Можно сказать, она обладала всеми положительными качествами. Самым же большим моим достижением пока что было то, что я сумел ее заарканить.

Я натянул треники и пошел в гараж. Марго нужен был новый письменный стол, и я решил смастерить такой, чтобы влезал под ее кровать-чердак – тоже моих рук дело. Открыв дверь гаража, чтобы впустить немного солнца, я заметил Холли Кендрик – она возилась со скамейкой у крыльца. Я направился к ней.

– Привет, нужна помощь? – спросил я.

– Ой, привет, Энди, – сказала она.

Ее щеки покраснелись. На ней была розовая майка с глубоким вырезом, и я не мог не отметить великолепную фигуру – полную грудь и тонкую талию. Я постарался не пялиться так откровенно.

– Дурацкая скамейка – просто что-то с чем-то. Стоит кому-то сесть, и она чуть не переворачивается. Я хотела затянуть болты, но у меня нет инструментов.

Я осмотрел основание скамейки и тут же определил, в чем дело.

– С болтами все в порядке. Здесь не хватает опорной перекладины. Поэтому скамейка и шатается. – Я показал, и Холли нагнулась, чтобы посмотреть. Ее декольте оказалось так близко, что я почувствовал, будто нахожусь в дешевом порнофильме. Я сделал шаг назад. – Могу починить, если хочешь. У меня есть все необходимое. Для меня это вроде как хобби.

– Я не хочу тебя беспокоить, – ответила она.

– Да ладно, мне нетрудно, – настаивал я. Она, похоже, колебалась, и я добавил: – Или, если твоему мужу нужны инструменты, могу одолжить ему.

Она поморщилась, словно откусила что-то кислое. Я вдруг осознал неприкрытый сексизм моего предложения и потому сказал:

– Или могу показать тебе, как это делать.

И тогда случилось неожиданное. Она расплакалась. Минуту назад она возилась со скамейкой и вдруг разрыдалась как обманутая героиня из мыльной оперы.

– Проссс... Прости, – заикаясь, пробормотала она между всхлипами.

Крупные слезы катились по ее щекам и исчезали в глуби-

нах декольте. Я подумывал отвести ее к скамейке и усадить, но, учитывая хрупкость конструкции, решил этого не делать. Холли шмыгнула носом, и по ее верхней губе поползла прозрачная сопля. Будь я собственным дедушкой, то спас бы даму в беде, протянув носовой платок. Но, увы, я – это всего лишь я.

– Пожалуйста, не извиняйся, – попросил я. – Это мне нужно извиниться. Я не хотел тебя расстроить, я только хотел помочь...

– Мой муж умер, – выдохнула она.

И я растерялся. Потому что всего два дня назад видел его за кухонным столом в их доме. Наверное, она почувствовала мое смятение, потому что пришла мне на помощь.

– Эван мне не муж. Он просто... – Она замолчала. – Друг. – Она немного подержала меня в напряжении, а потом произнесла: – Он просто помогает нам с Саванной.

Эта фраза показалась мне странной, по-настоящему, не как чай с молоком, но я оставил ее без внимания.

– Проводить тебя в дом? – предложил я. «Вот бы она не была такой красивой, – подумал я, – а то моя жена, которая, кстати, и так только о ней и думает, скоро вернется».

Холли кивнула, а я открыл входную дверь и проводил ее на кухню. На кухонном острове лежала салфетка, и я протянул ее Холли, когда та тяжело опустилась на стул.

– Представляю, что ты обо мне думаешь, – пробормотала она, размазывая соплю по лицу.

– Наверное, тебе очень тяжело, – я уселся напротив.

Когда я был репортером, то много раз брал интервью у людей в стрессовом состоянии. Я знаю, как развязать язык. А теперь во мне еще и разгоралось любопытство.

– Я до сих пор не могу поверить. Это было... – Она колебалась, словно не знала, как много мне можно рассказать. – Внезапно, – наконец выпалила она.

Может, она хочет выговориться? Я не был уверен.

– Хочешь об этом поговорить?

Она уставилась в пол. Холли напоминала человека, обладающего важной информацией, – ему хочется все выплеснуть, но он боится открыть слишком много. Я слегка надавил, как можно мягче:

– Трудно представить, насколько тебе тяжело.

Она высморкалась и промокнула лицо обратной стороной салфетки.

– Прости. Не стоило мне вываливать это на тебя.

Она встала. Нет, значит, выговориться не хочет.

– Я прихвачу скамейку, – предложил я, и она кивнула.

Странно было оставлять ее в таком состоянии, рыдающей, но обнять ее было бы совсем нелепо. Я коротко махнул на прощание и вышел из дома.

Возвращаясь к гаражу со скамейкой под мышкой, я вдруг подумал, что в наших соседях и впрямь есть что-то странное.

Я проклял свое журналистское любопытство вместе с избытком свободного времени.

Холли

Три месяца назад

Меня поместили в отдельную палату. Саванна сказала, что из окна открывается прекрасный вид, но я этого не видела. Для нее поставили еще одну койку, но дочь чаще всего спала со мной, свернувшись у моего здорового бока и положив голову под мой подбородок. Когда она была так близко, а ее блестящие волосы прижимались к моей щеке, я вспоминала о тех первых месяцах после ее рождения, когда я спала с ней под мышкой, будто с мячом для регби, и вдыхала ее запах, сладкий, как зефир. Только тогда это она была беспомощной, а я ее оберегала. Теперь же все стало наоборот.

Врач сказал, что у меня сотрясение и еще нужна операция на колене. Саванна стояла рядом, когда я подписывала согласие, кивая и уверяя меня, что все будет хорошо. Она принесла мой любимый персиковый смузи, чтобы успокоить раздраженное дыхательной трубкой горло. Саванна следила, какие я принимаю лекарства, и велела медсестрам снять меня с болеутоляющих, чтобы я не подседа на них, как мой покойный брат. Меня пришли навестить несколько человек из стоматологии, где я работала, они принесли цветы, и Саванна поставила их в вазу. Когда ко мне вернулись силы, я испугалась. Я жила как королева, пила разноцветные смузи и ела дорогущие сэндвичи в больничной палате, которая в

день стоила больше месячной платы за нашу квартиру.

Я пыталась объяснить Саванне, что мы не можем себе это позволить, но она все отмахивалась.

– Не волнуйся, мам. Поправляйся. Ты мне нужна, у меня больше никого нет.

Она стала бледной как мел, и я знала, что улыбка, которую она натягивает, когда ухаживает за мной, фальшива. И я тоже лгала дочери, уплетая еду, которую она приносила, и постепенно отвыкая от викодина, потребовав вместо него тайленол.

Примерно через неделю Саванна принесла мне косметику. Я решила, что она хочет помочь мне снова почувствовать себя человеком, и поэтому позволила ей замазать тональным кремом мои синяки и нанести на ресницы тушь. Наконец довольная результатом, Саванна отклонилась назад, чтобы осмотреть свою работу, и объявила:

– Тебе надо кое с кем встретиться.

Я натянула халат, и Саванна покатила меня по бесконечным безжизненным коридорам в больничную часовню. Мы редко ходили в церковь – наши воскресенья были отведены для оладий и поездок за продуктами, но, конечно, вполне объяснимо, что сегодня ей захотелось поговорить с Богом.

Она подкатила меня к задней скамье, где сидел мужчина в костюме. Священник? Директор похоронной конторы? Он встал. Высокий, почти на голову выше моего мужа. Его темно-синий костюм слегка блестел, на зауженных брюках были

отутюженные складки. У него было лицо капитана футбольной команды: квадратная челюсть и ямочка на подбородке, а кожа такая гладкая, как будто он побрился прямо перед нашим приходом. Мне всегда нравилось, когда мужчина чисто выбрит. Мой муж говорил, что это признак дисциплинированности – гладко выбритый человек, скорее всего, заправляет постель и планирует свой бюджет. Нельзя доверять человеку, который не находит время побриться, твердил он.

– Мама, это Эван, – без всякого выражения сказала Саванна.

Он протянул руку. Я сидела в кресле-каталке, и мне пришлось поднять руку выше головы.

– Привет, Холли, – сказал он с улыбкой – фальшивой, как январский загар.

– Он оплачивает твои больничные счета, – объявила Саванна.

И мужчина не возразил, просто стоял как истукан. Может, он из армии, старый приятель моего мужа, о котором тот никогда не рассказывал? Я слышала, морские пехотинцы заботятся о вдовах погибших товарищей. Тогда эти истории казались мне несколько преувеличенными, но вдруг все наоборот?

– А еще он оплачивал еду, которую я тебе приносила, и пообещал купить нам дом, – продолжила Саванна.

Это было настолько нелепо, что я чуть не засмеялась. Но лицо дочери было серьезным, как приколоченное к стене

распятие за ее спиной. Я ждала, что мужчина ее поправит. Но он молчал.

– Я... я не понимаю, – произнесла я, не обращаясь ни к кому конкретно.

Я посмотрела на Саванну, на ее умело нарисованные стрелки на веках и идеально загнутые ресницы. Макияж придавал ей взрослый вид, и я порой забывала, что она всего лишь ребенок.

– Он нам помогает, – осторожно произнесла она, словно была не вполне уверена.

Ну да, конечно. Я могла бы поверить, что мне с мира по нитке соберут денег на несколько обедов, но на дом? Наверное, она неправильно его поняла. У меня никогда в жизни не было своего дома. А вот у дедушки с бабушкой был. Мы с братом часами бултыхались у них в бассейне (во всех домах в Бейкерсфилде были бассейны), пытались доплыть до противоположного конца, ни разу не вдохнув. Мы думали, что если сумеем проплыть под водой такое расстояние (целых тридцать футов!), то станем неуязвимыми. Пять лет спустя мой брат умер. Такая вот неуязвимость.

– То, что случилось с вами и вашим мужем, – ужасная случайность, – сказал мужчина, так выделяя слово «случайность», что у меня зазвенело в ушах.

Я и не сомневалась, что это была случайность – вряд ли кто-то решил бы «убрать» нас с мужем, не такие мы важные персоны, и типу, одетому с иголки, нет нужды тыкать мне

этим в лицо. Люди с деньгами любят констатировать очевидные факты, словно фактами они становятся, лишь когда звучат из их уст.

– Даже если вы узнаете, кто вел машину, – продолжил он, – это не гарантирует компенсации.

Слово «компенсация» пронзило воздух как звон набата. Дорогой костюм, равнодушное лицо, будто высеченное из камня, разговор о «компенсации», вонь у него изо рта – все встало на свои места: этот человек либо страховщик, либо адвокат. Я подготовилась к потоку лжи, который непременно за всем этим последует.

– Вам нужно найти способ жить дальше, – продолжил он. – И я могу вам с этим помочь.

Два дня назад меня сняли с сильных обезболивающих, и я соображала достаточно хорошо, чтобы понять – он здесь точно не для того, чтобы нам помогать. Я посмотрела на его свежесбритое лицо и вдруг усомнилась в правоте своего мужа, когда он называл таких людей заслуживающими доверия.

– Почему? – спросила я. – Чего ради вы хотите нам помочь?

И тогда Саванна сказала нечто настолько пугающее, что у меня перехватило дыхание.

– Он знает, кто вел ту машину, мама, – прошептала она. – Он на него работает.

Затылок окатило волной жара. Я почувствовала, как вспыхнули щеки. Все фрагменты головоломки встали на

свои места – костюм, визит в больницу, обещание купить дом.

– Если это так, нужно позвонить в полицию, – дрожащим голосом произнесла я.

Но его каменное лицо не дрогнуло.

– Мы с Саванной решили, что есть лучший способ все уладить, – произнес он будничным тоном, словно мы говорили о проказливом ребенке, укравшем конфетку, а не о безжалостном убийце. – Мы выплатим вам очень щедрую компенсацию, и необходимость в долгом судебном процессе отпадет.

Вот оно что. Взятка, настолько очевидная, что поймет даже простофиля вроде меня. Я – девочка по вызову, а он – мой сутенер. Только я торгую не телом, а молчанием, и если буду держать рот на замке, клиент щедро заплатит. Это было так отвратительно, что если б я могла встать, то дала бы ему пощечину. Я чуть не выкрикнула: «Ни за что, мать твою!», но он продолжил:

– Это я вызвал из Стэнфорда хирурга, который оперировал ваше колено, он лучший в своей области.

Я огрызнулась.

– Кто вас об этом просил? Уж точно не я!

И тогда он сделал нечто просто дьявольское. Дернул бровью, указав на Саванну.

Я смотрела на нее, не веря своим ушам. Ее лицо побелело от страха.

– Врач сказал, что, возможно, ты больше никогда не будешь ходить. Я не знала, что делать! – В ее глазах набухли слезы. – Пожалуйста, не злись! – взмолилась она.

И вдруг я снова осознала, что она всего лишь ребенок, а я взрослая.

Я посмотрела на дочь. Все говорили, что она пошла в деда: те же широкие норвежские скулы и идеально прямой нос. Порой, когда она улыбалась или посылала мне воздушный поцелуй, я замечала сходство, но сейчас видела перед собой только мою малышку, невинную, как ягненок на дрожащих ножках.

У меня разрывалось сердце.

– Все будет хорошо, малыш, – заверила я, хотя и сомневалась в этом.

Быть может, пройдут месяцы, прежде чем я снова начну ходить. И даже вылечившись, я не смогу содержать семью на свою жалкую зарплату бухгалтера. У нас нет сбережений, нет финансовой подушки. Мы жили от зарплаты до зарплаты, моей и мужа, а теперь муж погиб. Хуже уже и быть не может.

– Я все объясню, когда вы поправитесь, не здесь, – сказал мужчина. – А пока что все больничные счета будут присылать мне, об арендной плате тоже не беспокойтесь.

И тут я поняла, что мы уже приняли его подарки, согласились на все его условия.

Нас купили с потрохами.

Я посмотрела в лицо человеку, который вполне мог ока-

заться самим дьяволом, и содрогнулась.

Потому что прямо в этой пустой больничной часовне я заключила с ним сделку, и Бог был этому свидетелем.

Глава 7

– Не злись – проворковала Саванна, войдя в комнату, – но я кое-что тебе купила.

Она вытащила из-за спины хрустящий пакет размером с диванную подушку. Обычно, когда мне делают подарки, я безумно рада. Но сейчас ощущала не радость, а уныние, меня как будто утаскивали вниз. Я знала, что деньги наши и мы имеем полное право их тратить, но это вовсе не значило, будто я была от этого в восторге. Я убедила себя, что у нас не было выбора – одни только больничные счета оказались больше, чем я заработала за всю жизнь, и Эван не преминул мне об этом напомнить. Либо я соглашалась на эту сделку и ненавидела себя всю оставшуюся жизнь, либо отказывалась и вскоре умирала от голода. Я уже начала жалеть, что выбрала первый вариант.

Я взяла из рук Саванны пакет. Внутри лежал еще один, плотный и кремовый, как ванильный молочный коктейль. Это была тканевая сумка с завязками и затейливо переплетенными буквами LV. У меня никогда не было дизайнерских вещей, но даже я знала, что означает LV. Я сурово посмотрела на Саванну.

– Это «Луи Виттон»! – объявила она, как будто я не догадалась.

– Мне не нужна сумка «Луи Виттон», – сказала я, хотя

теперь она у меня уже была, никуда не денешься.

– Еще как нужна, – возразила Саванна. – Потому что теперь мы живем здесь! – Рукой она описала в воздухе широкий круг. – И ты должна выглядеть соответствующе. Открой!

Я вытащила сумку из пыльника – именно так называют этот пакет, насколько я знала по eBay, где рассматривала сумки «Луи Виттон». Покупать там я ничего не собиралась, мне просто хотелось помечтать. У меня никогда не хватало смелости зайти в фирменный магазин на Родео-драйв и столкнуться лицом к лицу с заносчивыми продавцами, которые, скажем честно, скорее всего, живут в моем бывшем квартале. Но кто запретит мне глазеть на товары в интернете, тем более занималась я этим по ночам, когда никто не видел.

Каким-то образом Саванна выбрала именно ту модель, которая мне нравилась – «Спероне» в серо-белую клетку. Может, кое-кто все-таки наблюдал за мной по ночам? Сумка-рюкзак с изящными лямками и потайным боковым карманом. Под стать скрытным людям вроде нас.

– Она прекрасна, – сказала я.

Так оно и было. Я никогда в жизни даже не воображала, что когда-нибудь у меня будет подобная.

– Спасибо за подарок.

Я была тронута тем, что дочь пошла за покупками для меня, но внезапный поток дорогих вещей наполнял меня стыдом. Жизнь мужа уж точно стоила больше, чем дизайнерская сумка и дом с тремя спальнями. Я знала, что заслуживаю

красивых вещей не меньше, чем любая участница шоу «Настоящие домохозяйки» или голливудская старлетка, но мне не хотелось получать их таким образом. Я воображала, как муж смотрит на меня с небес, разочарованно качая головой, потому что я предпочла деньги справедливости.

– Я и себе купила, – объявила Саванна, вытаскивая еще один пакет. Наверное, на моем лице отразилась тревога, потому что она добавила: – Не волнуйся, не такую, как тебе.

Я волновалась, но не из-за этого.

– Мы не должны вызывать подозрений, – сказала я, и она нахмурилась.

– Ничего подозрительного в дизайнерской сумке для этого квартала нет, мама.

Наверное, она права. Мне хотелось жить в Калабасасе из-за чистого воздуха и хороших школ, но если я стану разгуливать здесь в спортивном костюме из супермаркета, у соседей наверняка появятся вопросы. А если мои друзья с северной окраины начнут удивляться свалившемуся на меня богатству, Эван велел сказать, что мой муж застраховал свою жизнь на кругленькую сумму. В этом нет ничего необычного, заверил он. Правда, друзья ко мне так и не наведались. Я написала знакомым по пятничным танцам и паре мамочек из школы Саванны, что мы переезжаем, и попрощались мы по телефону. О родственниках, которые будут что-то вынюхивать, я тоже не беспокоилась – мой брат умер, а родители фактически отказались от меня, когда я забеременела до

свадьбы.

Что касается родственников мужа, у него их было мало – только бабушка и дедушка, которые его воспитали вместо матери, забившей на свои родительские обязанности. Когда он ушел в армию, бабуля и дедуля переехали в Аризону и с тех пор внуком не интересовались. Мы даже открыток на Рождество от них не получали, так что не стали сообщать им о перемене адреса. Мы с мужем и Саванной жили как на острове. Раньше это меня печалило, но сейчас пришлось как нельзя кстати.

– Пожалуйста, будь осторожна, – предупредила я Саванну, глядя на ее вместительную кожаную сумку «Неверфулл». – Нужно ограничить траты.

Я не следила за ее расходами, но видела множество пакетов из магазинов и решила, что пора высказаться по этому поводу. Я понимала, что так она пытается заглушить боль, и не хотела читать ей нотации, разве что пыталась дать ей время подумать и помочь найти способ выразить горе более открыто.

Саванна лишь пожала плечами.

– Как по мне, можно тратить сколько угодно. Всегда можно попросить еще.

Я попыталась представить, что значит это «еще». Яхта? Дом на пляже? Личный самолет? Желания безграничны, всегда есть трещины, которые нужно заполнить, и люди, с которыми ты себя сравниваешь. Но я никогда не стремилась

к роскошной жизни. Никогда не смотрела программы, в которых из дурнушек делают красавиц, и не воображала, как щеголяю в дизайнерских туфлях. Мы и так уже получили больше, чем мне требовалось.

– Очень красивая сумка, – сказала я.

– Спасибо.

Мне хотелось добавить что-то еще, например, как я горжусь тем, какая Саванна сильная, но я не могла подобрать слова. Между нами теперь стоял густой туман, и я задыхалась в нем всякий раз, когда открывала рот. Наш маленький остров выдержал немало штормов – позднее возвращение домой, плохие оценки, украденные золотые сережки, – но мы всегда могли поговорить друг с другом о чем угодно. А теперь эта катастрофа выбила почву у нас из-под ног. Мы барахтались в соленой воде, мою дочь стремительно относило от меня течением, а я понятия не имела, как переплыть образовавшийся между нами океан.

Я смотрела, как Саванна складывает вещи в огромную сумку – блокноты, косметику, телефон, кошелек. Мне хотелось, чтобы у нее были красивые вещи, но также хотелось, чтобы она узнала ценность упорного труда, испытала удовлетворение, накопив на желаемое. Приближалось Рождество. Обычно я начинала покупать ей подарки с приходом учебного года. Мне нравилось выпытывать, чего ей хочется, а потом удивлять подарком, который был нам не по средствам, найденным на распродаже в торговом центре или онлайн. А

самым желанным подарком для меня было ее лицо, когда она разрывала цветную упаковочную бумагу. И теперь, глядя, как она кладет последние предметы в сумку за две тысячи долларов, я задумалась, зачем богачи вообще дарят подарки на Рождество. Какой в этом смысл, если и так можешь купить все, что хочешь?

Может, это эгоистично, но меня огорчило, что я больше ничего не могу ей дать.

– Смотри! – воскликнула она. – Все влезло!

При мысли о том, какие ценности я прививаю дочери, в горле у меня встал комок. Да, Саванна согласилась на эти условия, пока я была подключена к аппарату искусственного дыхания, но, придя в себя, я могла бы и разорвать сделку. Могла послать Богатея куда подальше, сказать, что уж лучше мы будем жить на улице, чем возьмем его кровавые деньги. Но я этого не сделала. Я слишком боялась того, что случится, когда закончатся деньги и еда, и у нас с Саванной останутся лишь горе и сожаления.

Я вспомнила, как учитель из воскресной школы говорил, что многое в нашей жизни бывает одновременно и благословением, и проклятием: без землетрясений у нас не было бы гор, не случись трагедии первородного греха, люди не обрели бы свободу воли. Так же и с Христом – его распяли, но смерть позволила ему вознестись и обрести вечную жизнь, став нашим спасителем.

Во что превратилась моя жизнь? Нескончаемый банков-

ский счет – это еще какое, черт возьми, благословение. Но вот жить во лжи – самое страшное проклятие.

Мои личные благословение и проклятие тянули меня в разные стороны, как два питбуля, дерущиеся за кость. И с каждым днем чувство, что эти рычащие псы обязательно разорвут меня на куски, лишь усиливалось. Это лишь вопрос времени.

Ну а пока у меня есть «Луи Виттон».

Эван

Три месяца назад

– Выпить хочешь? – спросил меня Джек, наливая себе.

Он любил текилу, и той ночью пил «Патрон сильвер» с ломтиком лайма на кромке бокала.

– Нет, спасибо, – ответил я.

Я часто выпивал с ним во время этих ночных встреч, но, учитывая серьезность происшествия, счел это неуместным.

– Ну, а мне надо выпить, – сказал он и плюхнулся в глубокое кожаное кресло напротив.

Он не был крупным человеком и в огромном кресле выглядел почти ребенком. В пятьдесят лет он находился в отличной физической форме. Рубашки он носил на размер меньше, чтобы ткань обтягивала бицепсы и накачанную грудь. Иногда из-за его плотного расписания мы встречались уже за полночь, пока он занимался в личном спортзале. Я

неловко сидел на скамейке с планшетом в руках и вдыхал резкий запах эвкалипта и резины. Но той ночью мы сидели в его кабинете, незаслуженно наслаждаясь уютом итальянских кожаных кресел.

– И как у нас дела? – спросил он.

– Сегодня я поговорил с той женщиной, – начал я.

Я объяснил, что ухватился за возможность повлиять на ее дочь-подростка, когда та вмешалась в переговоры, – в вопросах морали она, похоже, была гибче своей матери. Я намекнул, что вызвать дорогого хирурга, с моей стороны, оказалось просто гениально, ведь дочь явно хотела для матери лучшего. Рассказывать о том, как лежал той ночью без сна, проклиная себя за этот поступок, я не стал – адвокатам положено быть бесстрастными, держать свои чувства при себе.

– Та женщина, Холли, – продолжил я, – немного сопротивлялась, но думаю, она подпишет соглашение.

Джек кивнул и на долгое, трагическое мгновение уставился на свой бокал. Может, ожидал от меня чего-то еще. Когда он наконец заговорил, его голос звучал мрачно.

– Что там было, на месте происшествия? Ну, после...

То, что я оказался там еще до того, как Холли погрузили в машину «Скорой помощи», было не иначе как чудом. Я жил далеко от места столкновения, но случайно очутился поблизости – обедал с местным застройщиком. В Лос-Анджелесе катастрофически не хватает жилья, и Джек попросил меня поискать возможности для инвестиций в доступную недви-

жимость, ведь, как он любит говорить, нельзя же постоянно думать только о деньгах. Когда мне поступил срочный звонок, я как раз оплатил счет и уже направлялся к машине.

Я описал место происшествия Джеку как можно лучше, не позволяя себе проявлять эмоции. Мужчина, скорее всего, погиб сразу. Женщину сшибло, и она потеряла сознание, получив травму головы.

– Вряд ли она что-то видела, – сказал я. – К тому же у нее сотрясение, даже если она и видела, ее показания будут ненадежными.

Я старался, чтобы мои слова звучали отстраненно, равнодушно, как будто я ставил диагноз. Не только Джек был хорошим актером.

Он кивнул и спросил:

– А свидетели?

До сих пор не обнаружилось ни одного свидетеля, но я все равно с тревогой ждал развития событий.

– Когда я приехал, там было четырнадцать зевак. Видел ли кто-то из них само столкновение, непонятно, но я это отслеживаю.

Я вспомнил про мужчину, снимавшего на телефон, но решил об этом не упоминать. Раз видео до сих пор не разошлось по соцсетям, то это вряд ли уже произойдет.

Джек снова кивнул. Я понимал, что он обеспокоен, как и я. Но я хорошо представлял, кто был на месте происшествия. Я снял толпу на телефон, тщательно фиксируя лица и маши-

ны каждого зеваки поблизости. Нам повезло, что в пределах прямой видимости не было банков или государственных учреждений с камерами наблюдения вблизи перекрестка, я это проверил.

– А видеорегистратор? – выдавил он. – Что делать с ним?

Видеозапись – это проблема. Видеозапись в руках малолетней девчонки – проблема уже куда более серьезная. Чертовы подростки чуть ли не каждую минуту своей жизни транслируют в «Снэпчат», «Вотсап» или чем они там пользуются. Если Саванна решит опубликовать запись с регистратора, нам точно не поздоровится.

– Девочка отдала мне камеру с оригиналом записи, но...

Джек остановил меня взмахом руки. Мы оба понимали, что она куда умнее. В наш цифровой век если есть одна копия, то есть и тысяча. Саванна наверняка уже сохранила запись на разных гаджетах и в облаке. Есть только один способ не допустить распространения этого видео – сделать так, чтобы Саванна была довольна.

– Да, понимаю, – сказал Джек. – Глупый вопрос.

Джек провел руками по седеющим волосам. Ему повезло сохранить к пятидесяти густую шевелюру. Он укладывал волосы гелем с запахом апельсина. Я заметил, что он специально взьерошивает передние пряди, чтобы казаться выше. И укладка держалась до сих пор, в отличие от ее обладателя.

Да, мы поступали плохо, но это не делало Джека плохим человеком. Он бывал весьма щедрым, и если его же-

на находила достойное применение деньгам – убежище для жертв домашнего насилия, кружок по интересам для местных мальчишек, театральная программа в школе, – делал большие и анонимные пожертвования. Он усердно трудился, чтобы устроить свою жизнь и жизнь своей семьи, и не позволит уничтожить все это из-за трагической случайности. Всякое бывает, все совершают ошибки. Но мир от этого не рухнет – ведь у Джека есть я.

– А та женщина... – начал Джек, – она не возражает... ну, в общем, избавиться от видеозаписи?

– Видеорегистратор из машины достала девочка, – сказал я, не ответив на вопрос прямо. – И для нас это большая удача, – добавил я, чтобы напомнить ему – попади видео в руки полиции, все обстояло бы куда хуже.

Конечно, утечка могла произойти и другим путем. Но упомянуть об этом я не осмелился. Джек и без меня знал о потенциальной проблеме, и я предположил, что он сам держит ее под контролем.

Джек поднял на меня усталый взгляд, а потом сказал нечто неожиданное:

– Как думаешь, мы поступаем правильно?

Я не торопился с ответом. То, что мы делаем, неправильно с точки зрения морали и законодательства, мы оба это понимали. Так что он на самом деле имел в виду?

Я тщательно выбирал слова для ответа.

– Думаю, произошла страшная трагедия, и в данных об-

стоятельствах мы выбрали оптимальную стратегию. Предотвратить дальнейший ущерб – в обоюдных интересах.

Тогда он посмотрел на свои руки и сказал:

– Пока нас не поймали.

Если б я верил в Бога, то наверняка ответил бы, что на все воля Божья. К счастью, я в Бога не верю. Потому что иначе мне пришлось бы смириться с тем, что мы оба попадем в ад.

Глава 8

Я собрал бумаги и сунул их в портфель. Все точки над «і» были расставлены, но в конечном итоге это не имело никакого значения. Наш контракт был лишь пластырем на глубокой ране, за которой нужно тщательно и бесконечно ухаживать. Срок давности по делам о ДТП с летальным исходом в Калифорнии составлял всего шесть лет, но, если бы преступление было раскрыто, возникли бы проблемы гораздо серьезнее. Да, это было преступление, я обязан назвать его так. Не само столкновение – это был несчастный случай, – а побег с места происшествия. Под этим скрывалось нечто большее, чем жизнь Джека, это могло затронуть жизнь очень многих людей. Я понимал, почему Джек пытался все скрыть. Но это не означало, что я с ними согласен.

Я позвонил Джеку и сказал, что сделка совершена. Он обрадовался, хотя и не вполне успокоился. Я напомнил ему, что теперь Холли и Саванна виновны в сокрытии преступления наравне с нами. Так или иначе, мы теперь все в одной лодке. Они подписали договор о неразглашении, и если теперь пойдут в полицию, то в буквальном смысле лишатся всего. В этом, естественно, и заключался смысл нашего договора.

В машине по дороге домой я думал о том, как случилось, что я, милый паренек из Нью-Гэмпшира, игравший в ла-

кросс и с отличием окончивший Йель, стал решать чужие проблемы. Понять профессию личного адвоката мои бывшие одноклассники еще могли, но если бы они узнали, чем я занимаюсь на самом деле, то пришли бы в ужас.

В свою защиту скажу, что, получив эту работу, я не вполне понимал, в чем она будет заключаться. Я не хотел работать на крупную фирму, каждый день подниматься на одном и том же лифте в офис на последнем этаже и состязаться с коллегами, кто отработает больше сраных часов. Быть помощником чопорного судьи, как некоторые мои однокурсники, мне тоже не хотелось. Я был молод и жаждал перемен. После долгих нью-гемпширских зим мне хотелось пожить в Калифорнии, отдохнуть от холода, оказаться в Ла-Ла-Ленде – хотя бы ненадолго, твердил я себе.

Когда не стало мамы, а брат с головой ушел в детей и Бога, мне и так уже казалось, что меня уносит куда-то течением, так пускай уносит в океан прекрасных людей под вечно голубым небом, решил я. Вначале я работал не только на Джека, время от времени у меня бывали и другие клиенты – руководители объединяющихся компаний, не поделившие что-то партнеры, пара богатых застройщиков, – но потребности Джека постепенно заняли все мое время. С тех пор у меня даже серьезных отношений не было, настолько он загрузил меня работой. Впрочем, чувствовать себя одиноким мне тоже было некогда. Джек и раньше был замешан в мелких скандалах – слухи об интрижке с личной помощницей,

союз с коррумпированным политиком, сомнительная сделка с недвижимостью, – но этот случай, безусловно, был худшим. Моя работа заключалась в том, чтобы исправлять, а не судить – в мире и без меня судей хватает. Такой известный человек, как Джек, живет словно под микроскопом – каждый его шаг, каждое слово, даже одежда подвергаются тщательному изучению и критике. Я сочувствовал ему. Иначе не мог бы выполнять свою работу.

Фактически дела с Холли Кендрик были улажены. Мы подписали соглашение, и она взяла на себя обязательство молчать в обмен на богатство, о котором и мечтать не могла. Казалось бы, теперь все могли вздохнуть с облегчением. Но мы все равно ждали, затаив дыхание. Потому что в глубине души знали – это только начало.

Энди

Три месяца назад

– Он сказал, что очень сожалеет, – сообщила Лора, когда я наконец-то ей перезвонил. Мне не хотелось выйти из себя во время разговора с агентом, и поэтому я выждал денек, пока не улучшится настроение. – Он все еще хочет с тобой встретиться, – заверила она. – Может, это даже и к лучшему, теперь он вроде как у тебя в долгу.

Я сильно сомневался, что кто-то из голливудских шишек когда-либо будет чувствовать себя обязанным мне, но про-

молчал.

– Ладно. Хорошо.

Это все, на что меня хватило. Я гадал, с чего вдруг мне дали второй шанс. Может, с кем-то другим не сложилось?

– Почти все лето он будет на съемках, но мы запланировали встречу в начале сентября, сразу как он вернется, – сказала Лора, и я попытался сделать вид, что доволен.

– Отлично.

Отлично, что он назначил новую встречу. И совсем не отлично, что денег я не увижу еще три месяца. Мой брак уже трещит по швам. А долги по кредитке, и без того огромные, постоянно увеличиваются. Честно говоря, я не представлял, как мы протянем до конца лета. Я уже подумывал заняться кукольной мебелью и продавать ее прямо в гараже. Хотя наш брак вряд ли это выдержит.

Завершив звонок, я одновременно почувствовал облегчение (Он по-прежнему заинтересован!) и стыд, как наркоман, который судорожно ищет «последнюю» дозу. Я и был наркоманом, мой наркотик – работа. Я во что бы то ни стало хотел получить ее, даже в ущерб здоровью, семье и отношениям. У меня екало сердце каждый раз, когда приходила почта. Но как бы трудно ни было смотреть на эти конверты с красным штампом «просрочено», я не был готов жить как простой обыватель. Я хотел быть сценаристом.

Это желание въелось в мое нутро. Даже мои статьи напоминали фильмы. Я создавал сцену («Беда распространялась

по офису, как едкий дым»), описывал людей как персонажей греческой трагедии («Победная улыбка мистера Х противоречила его недавним провалам»). Я никогда не осуждал персонажей своих статей, их поведение говорило само за себя: «нервная дрожь колена», «слишком громкий смех», «натянутая улыбка». Прочитав мою статью об информаторе «Викиликс» в выпуске «Санди таймс», Клуни сказал, что она похожа на сценарий фильма. А когда заплатил мне за адаптацию, я был уверен, что нашел свою судьбу. Я проработал над сценарием пять славных лет. Мне и в голову не приходило, что фильм не снимут. Или что моя карьера пойдет под откос.

Я посчитал эту досадную неудачу проверкой моей решимости. Я не мог все бросить. Я построил дом, перевез сюда жену с востока страны. Либби отказалась от всего – многообещающей карьеры, огромного круга друзей, традиций, к которым привыкла – ее доброта была безгранична. Я был обязан добиться успеха, причем большого.

Я должен продать сценарий. После трех лет без работы я наконец-то встретил того, кто может хорошо заплатить и снять фильм. Я просто обязан написать нечто выдающееся специально для него, чтобы он не смог отказаться.

Я поклялся, что целиком посвящу себя работе. Я буду готовиться к этой встрече так, будто от нее зависит моя жизнь.

Потому сейчас от нее и правда уже зависят моя карьера и мой брак.

Глава 9

Я лишь хотел узнать, как он умер. Я не планировал копать глубоко. Меня заинтриговало слово «внезапно», вот и все.

Когда люди «внезапно» умирают, это может означать сердечный приступ, разрыв аневризмы, авиакатастрофу, автокатастрофу или происшествие на море. Он мог покончить с собой (такое частенько случается) или его убили (что бывает очень редко). Или он просто был стар? Холли выглядит достаточно привлекательной, чтобы быть женой богатого старика. В голове мелькали миллионы вариантов, мне просто хотелось знать.

Первым делом нужно было выяснить его имя. Это будет нетрудно. Просто погуглить его жену. Ее фамилия Кендрик – я увидел надпись на коробке для переезда. Наверное, странно, что я замечаю такое, но я как-никак десять лет проработал журналистом-расследователем, и глаз у меня был наметан на детали.

Я ввел в поисковую строку «Холли Кендрик» и просмотрел результаты. У нее не было аккаунтов в соцсетях, но ее имя всплыло в некрологе в газете «Бейкерсфилд Калифорния». «У Кевина Майкла Маккаллума остались родители, Элейн и Мартин Маккаллумы, и сестра, Холли Маккаллум Кендрик». Значит, у нее был брат, и он тоже умер. В любой другой день я заинтересовался бы этим, но сейчас передо

мною стояла другая задача. Я пролистал некролог. Никакого упоминания о муже, но, по крайней мере, теперь мне известна ее девичья фамилия.

Я изменил запрос – «Холли Маккаллум» – и попал в точку. Объявление о свадьбе шестнадцатилетней давности. «Холли Маккаллум выходит замуж за свою школьную любовь, Гэбриэла Кендрика. Церемония будет простой... Благ-бла-бла...»

Я набрал в поисковой строке имя покойного мужа. Слишком много Гэбриэлов Кендриков. Я добавил название их школы в Бейкерсфилде, но ничего не нашлось. Я ввел оба имени – и его, и жены. Они не владели собственностью, ни вместе, ни по отдельности (странно) и никогда не делали ничего примечательного (совсем не странно). У него не было аккаунта ни в «Линкедин», ни на «Фейсбуке»², ни в других соцсетях. Я мысленно улыбнулся, потому что знал, кто точно есть в соцсетях – Саванна.

Я нашел ее почти сразу же и начал листать страницу вниз – один месяц, второй, третий... – и наткнулся на фотографию молодого человека в синей военной форме, душераздирающая подпись гласила: «Папочка, пусть тебя больше нет, но ты навсегда останешься в моем сердце».

В комментариях на меня обрушился поток печальных

² 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

эмоذجи – сердечки, цветы и грустные лица. Даже не знаю, почему я удивился. Неужели не верил, что отец Саванны на самом деле мертв? Наверное, на работе я научился все подвергать сомнению, даже безудержные рыдания.

Я отметил дату поста, двадцатое мая, и начал листать комментарии.

«Боже, я только что узнала... Просто сердце разрывается... Обнимаю... Как ты?.. Если тебе что-нибудь нужно...»

Трогательный, но лишенный деталей поток. Зато у меня хотя бы появилась примерная дата – двадцатое мая или чуть раньше. Муж Холли умер чуть больше трех месяцев назад. Неудивительно, что она расплакалась, рана еще свежа.

– На что ты там смотришь? – спросила Либби, заглядывая через плечо. Она покраснела после пилатеса, под каждой грудью темнел полумесяц пота. Я не слышал, как она вошла. Может, этого она и добивалась.

Наверное, я выглядел подозрительно. Полураздетый безработный муж просматривает «Инстаграм»³ шестнадцатилетней школьницы. Я должен был писать, обязан писать, а не лазать по аккаунтам несовершеннолетних девушек. Могу представить, какие мысли пульсировали в голове моей жены. «Мой муж – извращенец, ему нравятся девочки-подростки, как же я раньше не замечала?» У нас не было секса больше

³ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

месяца, и теперь она решит, что именно по этой причине я не настаивал.

Как журналисту, мне постоянно приходилось искать в интернете что-то безумное. Работая над статьей о морском пехотинце, присоединившемся к ИГИЛ⁴, я стал специалистом по исламскому экстремизму, пещерам Афганистана и способам производства грязной бомбы. И наверняка попал на карандаш к ФБР. Но осуждающий взгляд жены пугал куда сильнее.

– Холли – вдова, – просто ответил я, поворачивая ноутбук, чтобы она увидела пост Саванны.

Потом я показал еще несколько фото – вот отец танцует с дочерью, а вот вся семья обнимается, Холли посередине, Саванна вся мокрая после забега на школьных соревнованиях.

– Господи, – охнула Либби, наклоняясь ближе. – И давно?

– Около трех месяцев, – я указал на дату. Я рассказал ей о скамейке и признании Холли, сделанном в слезах, постаравшись не упоминать, как вздымалась ее грудь от каждого всхлипа. – Я просто хотел узнать что-нибудь о его смерти, спрашивать было как-то неудобно.

– Да, конечно, – заверила меня Либби, и я почувствовал облегчение. Надеюсь, она тоже. – Погоди, тогда кто такой Эван?

Холли сказала, что он помогает ей с Саванной. Помню, как подумал, что это странный способ его описать. Но я

⁴ ИГИЛ – запрещенная на территории РФ террористическая организация.

лишь пожал плечами.

– Она не объяснила.

– Новый мужчина? – предположила Либби, и я покачал головой.

– По ее словам я понял, что нет. Думаю, она бы мне сказала.

Теперь уже Либби покачала головой.

– Ее муж умер всего три месяца назад. Наверное, ей просто стыдно. Может, у них что-то было еще до смерти мужа?

Интуиция подсказывала мне, что это не так, но такое вполне вероятно.

– Да... может быть.

– Ты только взгляни на нее. Она же прямо секс-бомба, – сказала Либби, и я воспринял это как предупреждение: не подходи слишком близко. – Вполне могла подцепить богатенького мужика, – добавила она. Сомнительный комплимент, но я не мог не согласиться.

– Уверен, что скоро мы все узнаем, – я закрыл ноутбук, тем самым показывая, что больше копать не собираюсь.

У меня были и другие дела. До долгожданной встречи с продюсером оставалось всего ничего, и мне нужно было завершить сценарий и проработать еще пару вариантов на случай, если понадобится внести изменения.

Я посмотрел на Либби. Она глядела куда-то в пространство, и я почти слышал, как в ее голове вращаются шестеренки. Она встревожена? Ревнует? Я никогда не замечал за

ней ничего подобного, но все когда-то бывает в первый раз.

Мы оба чувствовали что-то неправильное в отношениях Холли и Эвана. Вряд ли они любовники, их жесты были слишком закрытыми, скорее уж как у противников – стулья на разных концах стола, скрещенные на груди руки, редкий зрительный контакт. Но и просто другом Холли его тоже не считала, это она четко дала понять.

Как я подозревал, она что-то скрывала. И дальнейшие события показали, что я прав.

Но это нас никак не касалось. Это не наше дело, и нет причин волноваться.

Однако в этом я ошибался.

Часть 2

Саванна

Три месяца назад

В школу пришел полицейский.

К сожалению, ничего необычного в этом не было. Я бы не сказала, что такое случалось каждую неделю, но очередной разгуливающий по школе коп в форме с блестящей черной портупеей больше не привлекал моего внимания. Обычно полиция появлялась, когда родители кого-нибудь из учеников разводились и никак не могли поделить ребенка. Такой-то и такой-то лишен опекунства. Такой-то и такой-то нарушил официально установленное расписание поочередной опеки. Такому-то и такому-то судом запрещено приближаться к ребенку. Мы никогда не придавали этому значения. Кем бы ни был этот ребенок, он уже достаточно натерпелся, зачем усугублять ситуацию, глаза на него. Он не виноват, что его родители психопаты. Да и кто знает, кто из нас следующий?

Иногда копы приходили и по другим причинам. Однажды парень принес в школу складной нож и размахивал им, как Люк Скайуокер световым мечом. Иногда причиной были наркотики. Учителям плевать, что ребята употребляют,

все знали, что большинство из нас что-то пробовали. Но если кого-то ловили за продажей, учителя вызывали полицию. Так что да, копы приходили не каждую неделю, но часто.

В этот день полицейский стоял во дворе вместе с директором, ковбоем-хиппи мистером Прайсом, и наблюдал, как мы разбегаемся по классам. Перемена длилась всего шесть минут – едва хватало времени, чтобы остановиться у шкафчика и поменять учебники. Следующим уроком у меня была геометрия, и мне нужно было сбегать за калькулятором, так что я спешила по бетонной дорожке, соединяющей классы. Ни один полицейский никогда не обращал на меня внимания, и я с радостью отвечала тем же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.